Лэйни Тейлор

Дни крови и света

Дочь дыма и костей

Лэйни Тейлор

Дни крови и света

«Издательство АСТ»
2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тейлор Л.

Дни крови и света / Л. Тейлор — «Издательство АСТ», 2012 — (Дочь дыма и костей)

ISBN 978-5-17-113671-0

У девушки со странным именем Кэроу — голубые волосы, татуировки «глаз дьявола» на ладонях и боевые ножи на поясе. А когда-то у нее было не только другое имя — Мадригал, — но и другое тело. Восемнадцать лет прожила она в нашем мире. Но теперь настала пора вернуться в древний и жестокий Эрец, где тысячелетиями воюют друг с другом две могучие расы — ангелы и демоны, зовущие себя серафимами и химерами. Потому что народу химер угрожает гибель. Их столица лежит в руинах, на немногих уцелевших охотятся, точно на зверей, ангелы-каратели. И Кэроу начинает смертельную битву ради спасения тех, кто когда-то казнил ее за любовь к ангелу Акиве...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113671-0

© Тейлор Л., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	16
6	17
7	18
8	19
9	21
10	22
11	24
12	25
13	26
14	28
15	31
16	34
17	36
18	39
19	40
20	41
21	45
22	49
23	52
24	57
25	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лэйни Тейлор
Дни крови и света

Посвящается Джиму, до последней строчки

Давным-давно ангел и дьявол разломили счастливую косточку.
Так мир раскололся надвое.

1
Девушка на мосту

Прага, начало мая. Жители всего мира не сводили взглядов со свинцового неба, нависшего над сказочными крышами. За Карловым мостом велось постоянное видеонаблюдение, даже со спутников. Вдруг *они* вернутся? Таинственные события происходили в этом городе и раньше, но такого еще не бывало. По крайней мере в эпоху видео. Подобную сенсацию засняли впервые, и теперь многочисленные телерепортеры не теряли надежды разработать тему вширь и вглубь.

– Пожалуйста, скажи, что тебе надо отлить.

– Что? Нет. Нет! Даже не проси.

– Ну не самой же мне… Я ведь девушка.

– Знаю. Жизнь несправедлива. Но даже ради тебя я не стану мочиться на бывшего парня Кэроу.

– Ты что? Мне бы и в голову не пришло *такое*, – сказала Зузана и рассудительно пояснила: – Пописай в шарик, а я брошу.

– Вот как… – Мик сделал вид, что серьезно обдумывает предложение, но через полторы секунды отрезал: – *Нет.*

Зузана шумно выдохнула и возмущенным голосом заявила:

– Хорошо, хотя ты сам знаешь, что он это заслужил.

Объект обсуждения стоял в десяти шагах от них, в окружении иностранной прессы, и давал интервью, причем не первое и даже не десятое. Зузана потеряла им счет. На этот раз ее больше всего бесило то, что он треплется на ступенях дома, где жила Кэроу. Это место и так уже замусолили вниманием и полиция, и детективные агентства. Вдобавок адрес Кэроу мельтешит во всех газетах и новостях.

Историю «девушки на мосту» пытался использовать и Каз, напирая на то, что он «близко знал» Кэроу.

– Ангелы… А вы и не подозревали? – протараторила хорошенькая репортерша, как будто это был очередной репортаж на тему «Роковая встреча топ-модели с маньяком».

Зная, что Каз в этом месте рассмеется, Зузана беззвучно загоготала вместе с ним.

– Вы что, хотите сказать, что ангелы существуют на самом деле? Они гоняются за моей подругой?

– *Бывшей* подругой, – прошипела Зузана.

– И то и другое, – засмеялась репортерша.

– И то и другое неправда, хотя у Кэроу всегда были тайны.

– Например?

– Она была такая скрытная, вы и не поверите. Я не знаю ни ее национальности, ни фамилии… Интересно, есть ли у нее вообще фамилия?

– И вам не казалось это странным?

– Не, это же круто – красивая таинственная девушка. Она носила нож в голенище ботинка, знала кучу языков и всегда рисовала монстров…

– Расскажи, как она вышвырнула тебя в окно! – крикнула Зузана.

Каз сделал вид, что не услышал, но репортерша не унималась:

– Это правда? Вы не очень сильно ударились?

– Да, не самое приятное воспоминание. – Он очаровательно рассмеялся. – По счастью, обошлось без повреждений. Думаю, я сам виноват. Я напугал ее. Не специально. Просто она возвращалась домой после какой-то стычки и была вся на нервах. В кровище, разутая – а на улице снег!

– Ужас! Она объяснила вам, что случилось?

Зузана снова выкрикнула:

– Нет, потому что она первым делом вышвырнула его в окно!

– Вообще-то все произошло здесь, на лестнице. Она схватила меня за руку, не оборачиваясь, и шмякнула об дверь… – Каз, покосившись на Зузану, показал на застекленную дверь за спиной. – Вот об эту.

– Об эту самую дверь? – Репортерша пришла в восторг. Она благоговейно прикоснулась к новенькому стеклу, как будто дверь превратилась в сакральный символ, оттого что в нее вылетел паршивый актеришка.

– Мик, ну пожалуйста! Он же стоит прямо под балконом. – У Зузаны были ключи от квартиры подруги, поэтому до прихода полиции оттуда таинственно исчезли все эскизные альбомы хозяйки. Кэроу предлагала свою квартиру Зузане, но из-за Каза здесь устроили настоящий цирк.

– Смотри, ему прямо на голову упадет. Ты ведь столько чаю выпил…

– Нет.

Репортерша наклонилась к Казу и жарким шепотом спросила:

– И где же она сейчас?

– Невероятно, – пробурчала Зузана. – Как будто он знает. Как будто он хранил молчание последние двадцать пять раз для того, чтобы доверить эту тайну именно тебе.

Там, на ступенях, Каз пожал плечами.

– Мы все видели, она улетела. – Он покачал головой, будто не веря собственным словам, и посмотрел прямо в камеру.

Каз был намного красивее, чем заслуживал. *«У таких, как он, следует отбирать красоту – за плохое поведение»*, – подумала Зузана.

– Она *улетела,* – повторил Каз с расширенными в притворном удивлении глазами. Он разыгрывал эти интервью как по нотам, из раза в раз повторяя одни и те же ужимки и редко добровольно отклоняясь от общей схемы. Заезженная пластинка.

– И вы не представляете, куда она могла улететь?

– Нет, она всегда срывалась с места неожиданно и исчезала потом надолго. Она никогда не говорила, куда направляется, а возвращалась неизменно усталой.

– Как думаете, на этот раз она вернется?

– Надеюсь. – Еще один прочувствованный взгляд в объектив. – Я по ней скучаю, понимаете?

Зузана застонала, как от боли:

– Ох, хоть бы он заткнулся!

Но Каз и не собирался. Он повернулся к репортерше и заявил:

– Единственное хорошее во всем случившемся: я могу использовать этот материал в своей работе. Эту тоску, недоумение. Так играешь лучше, убедительней.

Другими словами: *хватит о Кэроу, давайте уже обо мне.* Репортерша поддержала поворот беседы.

– Так вы актер, – замурлыкала она.

Этого Зузана уже не могла вынести.

– Я иду наверх, – сообщила она Мику. – Можешь оставить свой чай при себе, обойдусь.

– Зуз, ты что… – Не успел он договорить, как Зузана ушла. Мик побежал вслед за ней.

Когда три минуты спустя на голову Казимира приземлился розовый шарик, его обдало отнюдь не «чаем», спасибо Мику. Зузана вылила в шарик несколько флаконов духов, добавила соды – и по герою теленовостей расползлась скользкая едкая жижа. Волосы слиплись, глаза распухли и зачесались – великолепная картина, особенно в сочетании с выражением лица. Зузана в полной мере насладилась зрелищем, когда интервью показывали в эфире.

И не раз, и не два.

Победа, но слишком мелкая: до Кэроу не дозвониться, уже миллион раз набирала, все время абонент не доступен. Лучшая подруга исчезла, возможно, в другом мире, эту потерю не восполнит даже многократный повтор сцены, где Каз весь в пенистой жиже и ошметках розового шарика. И все-таки с мочой получилось бы лучше…

2
Пепел и ангелы

Небо над Узбекистаном, в ту же ночь.

Портал зиял в воздухе разверстой раной. Ветер с шипением, словно сквозь зубы, просачивался в обоих направлениях. Там, где колыхались края, за небом одного мира открывалось небо другого, звезды Эреца то видно, то нет. Может, ему тоже скрыться? Акива не знал.

Что ждет его на той стороне?

Если брат с сестрой заявили, что он предатель, стражники портала тут же его схватят – если, конечно, смогут. Акиве не хотелось думать, что близкие его выдали, но он прекрасно помнил их гнев при последней встрече. Они считали его предателем.

Нет, лучше не попадаться. Было еще одно расставание, совсем недавнее и еще более страшное.

Кэроу.

Два дня назад в Марокко Кэроу ушла. В дверях она обернулась и посмотрела так ужасно, что лучше бы убила. Если бы в ее глазах было только горе… Но вот надежда, ее упрямая, обманчивая надежда, что сказанное им невозможно, ложь. Акива знал, что все – правда и ничего не вернуть. Ведь он сделал это сам.

Химеры повержены, ее близкие погибли.

Из-за него.

Отчаяние терзало Акиву, отрывая кусок за куском, изгрызая внутренности. Он виноват. Все случилось из-за него. Наверное, Кэроу сейчас в Лораменди, по колено в прахе своего народа, одна. Или хуже, с этим ничтожеством, Разгутом. Что будет с ней?

Надо было за ними проследить. Кэроу не понимала. Тот мир, который она помнила и куда хотела вернуться, стал другим. Там ей не будет ни помощи, ни утешения – только пепел и ангелы. Свободные земли разорены, повсюду серафимы; химеры или погибли, или в плену, их гонят караванами в рабство. Кэроу там убьют. Ее быстро заметят – лазурные волосы, плавный бескрылый полет…

Нужно найти ее во что бы то ни стало, раньше других.

Разгут обещал ей показать портал. Наверное, какой-то старый, давно забытый. Падшему и не такие тайны известны. Акива бросился за ними следом, но не смог найти ни их, ни портала. Пришлось лететь к другому, тому, что сейчас перед ним. Пока Акива напрасно рыскал над океанами и горами, могло случиться что угодно.

Он решил вернуться в Эрец невидимым. Дань легка. Для этих чар старых ран будет достаточно. Магия не дается даром, за нее нужно платить, болью. Проще простого – взять боль из ран и получить столько магии, сколько нужно, чтобы раствориться в воздухе.

Он отправился домой.

Перемена в ландшафте была незначительной. Здешние горы похожи на тамошние, разве что в человеческом мире в отдалении мерцали огни Самарканда. Здесь города не было, только на вершине горы виднелась сторожевая башня с парой охранников-серафимов на парапете. Еще отличительный знак Эреца: две луны, одна яркая, другая – призрачная, едва различимая на небе.

Нитид, яркая сестра, у химер богиня практически всех и вся, кроме убийц и тайных влюбленных – эти под покровительством Эллаи.

Эллаи. Увидев ее, Акива стиснул зубы. *«Я знаю тебя, ангел»,* – могла бы прошептать она. Разве не провел он месяц в ее храме, разве не его кровь обагрила рощу и священный источник?

«Богиня убийц вкусила моей крови, – думал Акива. – *Понравилось ли ей? Хочет ли она еще? Сделай так, чтобы Кэроу была в безопасности, и тогда можешь выпить меня до последней капли».*

Он полетел на юго-запад, страх тянул его, как на крючке. Акива пытался опередить рассвет, боясь, что опоздает. Опоздает и… что? Найдет ее мертвой? Он постоянно вспоминал казнь Мадригал: голова глухо ударилась о помост, со стуком перевернулась – и рога не дали ей укатиться дальше. Теперь на месте Мадригал ему представлялась Кэроу, та же душа, но в другом теле, и нет рогов, которые остановили бы ее голову на краю эшафота, только невероятная шелковистая лазурь волос. Хоть ее глаза теперь черные, а не карие, они так же погаснут. Ее не станет. Снова. Снова и *навеки*, потому что Бримстоун уже не оживит ее – его тоже нет. Теперь смерть непоправима.

Если Акива не придет, если не отыщет ее.

И вот перед ним Лораменди, но не прежний город-крепость химер. Перед Акивой руины: обрушенные башни, разбитые укрепления, обугленные кости – все под колышущимся морем пепла. Даже мощные железные брусья решетки, закрывавшей город с воздуха, разорваны, раздвинуты в стороны, словно руками богов.

Акиве казалось, что он давится собственным сердцем. Он летал над руинами в надежде увидеть проблеск лазури среди черно-серых груд пепла – плодов своей чудовищной победы – и ничего не находил.

Кэроу тут не было.

Он искал весь день и следующий, в Лораменди и за пределами города. Где же она? Нетнет, с ней все в порядке. Возможная реальность становилась все мрачнее. Страхи сгущались в кошмары, вспоминались все ужасы, которые он видел или в которых был виноват. Снова и снова давил он ладонями на глаза, чтобы вытеснить кошмары. Только не Кэроу. Она жива, точно жива.

Акива не допускал мысли, что найдет ее мертвой.

3
Мисс Радиомолчание

От: Зузана <rabidfairy@shakestinyfist.net>
Тема: Мисс Радиомолчание
Кому: Кэроу <bluekarou@hitherandthithergirl.com>

Моя дорогая мисс Радиомолчание, думаю, ты улетела и не получила мои ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ ПОСЛАНИЯ.

Перешла в ДРУГОЙ МИР. Я всегда знала, что ты чокнутая, но такого от тебя я не ожидала. Где ты и чем занимаешься? Ты меня просто убиваешь, ты хоть понимаешь это? Как оно там? Ты с кем? (С Акивой? Хорошо бы…) И самое главное, там есть шоколад? Wi-Fi туда вряд ли достает, а вернуться ко мне на денек, наверное, очень трудно. Очень надеюсь, что все дело в этом, потому что иначе, если я узнаю, что ты шляешься где-то еще, а ко мне так и не заглянула, я поступлю жестоко. Может быть, вспомню этот человеческий прикол, ну знаешь, когда глаза становятся мокрыми и глупыми. Как это называется? Расплачусь?

Или НЕТ. Лучше ВМАЖУ тебе хорошенько. Надеюсь, ты не ответишь мне тем же, ведь я такая маленькая и милая. Все равно что младенца ударить.

Ну ладно. Тут все нормально. Я сбросила на Каза бомбу с духами, и это показали по телику. Публикую твои рисунки под своим именем, сдала твою квартиру бандитам. Вонючим таким. А сама вступила в секту ангелов, каждый день возносим молитвы в братском кругу. Еще БЕГАЮ ТРУСЦОЙ, чтобы на меня налез мой костюмчик на случай конца света. Ношу его всегда при себе, МАЛО ЛИ ЧТО.

О чем бы еще рассказать? Блим-блим, блим-блим – побренчала на губе. А! Народу тут еще больше обычного, по известным причинам. Моему человеконенавистничеству нет предела. Я просто излучаю ненависть, как батареи тепло. Кукольное представление приносит неплохие деньги, но мне уже все осточертело, из-за этих пуантов я просто «света не взвидела», – а если верить сектам ангелов, конец света и так близок.

(Ура!)

Мик – чудо. Я немного расстроилась (кхе-кхе!), и знаешь, что он сделал, чтобы меня развеселить? В общем, я рассказывала ему, что как-то в детстве была на ярмарке и потратила все билетики на конкурс с тортом. Там все танцуют, а победитель получает целый торт. Мне так хотелось съесть его самой, целиком! Я ничего не выиграла, а позже узнала, что на те деньги, что я потратила, можно было купить целый торт и еще бы на Кэроусели хватило! Это был худший день в моей жизни. И знаешь, что Мик сделал? Устроил для меня персональный конкурс! С цифрами на полу, музыкой и ШЕСТЬЮ ТОРТАМИ, а когда я их ВСЕ выиграла, мы пошли в парк и кормили друг друга с длинных-предлинных вилок пять часов подряд. Это лучший день в моей жизни.

Пока ты не вернешься.

Я люблю тебя и надеюсь, ты в порядке и счастлива, где бы ты ни была, и пусть кто-то (Акива?) о тебе тоже заботится – или что там у огненных ангелов принято делать для своих девушек?

Чмоки-чмок и пинок,
Зуз.

4
Хватит секретов

– Какая неожиданность, – произнес Азаил. Лираз стояла рядом.

Акива ждал их и выбрал для встречи плац за казармами. Он вернулся туда, где с конца войны находился его полк – на мыс Армазин, в бывший гарнизон химер.

Стемнело. Акива закончил ката и опустил мечи.

По возвращении сложностей не было. Охрана приветствовала его, как обычно, выпучив от усердия глаза. Для них он был Истребителем Тварей, Принцем Бастардов, героем, и это не изменилось. Значит, Азаил и Лираз не доложили начальству, или новость еще не дошла до нижних чинов. Акива мог бы вести себя поосторожнее и не показываться зря, не зная, какой прием его ждет, но он был словно в тумане, после того что увидел в Киринских пещерах.

– Кажется, он меня сильно огорчил тем, что не стал искать нас сам, – с издевкой сказала Лираз. Она прислонилась к стене, скрестив руки на груди.

– Ты такая чувствительная? – покосился на нее Азаил.

– Чувствительная? Конечно, у меня есть чувства. Кроме всякой глупости вроде угрызений совести… – Она пристально посмотрела на Акиву. – Или любви.

Любовь.

Напоминание растревожило раны Акивы.

Слишком поздно. Опоздал.

– Ты что, не любишь меня? – спросил Азаил у Лираз. – А я вот тебя люблю. Наверное… Хотя нет, забудь. Это страх.

– И страха у меня тоже нет.

Акива сомневался в том, что это правда. Наверное, тоже боится, но меньше других или лучше скрывает. Даже в детстве Лираз была самой воинственной. На плацу всегда первой вызывалась на бой, кто бы ни был противником. Акива помнил ее и Азаила с тех пор, как помнил самого себя. Они родились в императорском гареме в один месяц, их вместе забрали к Незаконнорожденным – в легион бастардов Иорама. Уже много веков ночные подвиги императора поставляют ему бойцов: детей растят для войны. Акива, Азаил и Лираз прошли войну плечом к плечу, они были верными клинками Империи, пока жизнь Акивы не изменилась, а их – не осталась прежней.

И вот снова все рушится.

Что же случилось и *когда?* После Марокко и того расставания прошло всего несколько дней. Не может быть. Что это?

Акива задыхался, внезапно сгустившийся воздух сдавил его. Казалось, голоса не задевают сознание и доносятся издалека, будто сам он не здесь. Оттачивая ката, он пытался сосредоточиться, достигнуть *сиритар* — состояния покоя, когда божественные звезды работают через воина. Впрочем, в этом упражняться было незачем. Акива и так был спокоен. Как мертвец.

Азаил и Лираз странно посмотрели на него и переглянулись.

Он заставил себя заговорить:

– Я бы сообщил, что я здесь, но вы и сами все узнали.

– Разумеется, – согласился Азаил. Он всегда был в курсе всех дел, держался со всеми запросто, выглядел непритязательным – и неопасным. Ему рассказывали все. Азаил – прирожденный шпион: приветливый, добродушный, с ленивой улыбочкой. Никто не замечал его вкрадчивой хитрости.

Лираз тоже непроста, правда, неопасной ее не назовешь. Красавица, словно высеченная изо льда. Пронзительный взгляд, светлые волосы, туго стянутые в десяток ровных узких кос, братьям даже смотреть на них было больно. Азаил дразнил ее, что такими косами можно расплачиваться за магию. Лираз стоит, скрестив руки, барабанит пальцами, черными от меток смерти.

Как-то раз, навеселе, бойцы их полка обсуждали, кого не хотелось бы иметь среди своих врагов, и единогласно назвали Лираз.

Вот они, постоянные спутники Акивы, его семья. Почему они переглянулись? Акиве, пребывающему в состоянии отчужденности, казалось, что этот взгляд решает чью-то чужую судьбу. Что они собираются сделать?

Он годами лгал им, скрывал свои тайны, исчезал без объяснения, и тогда, на мосту в Праге, перешел на сторону врага. Акива никогда не забудет, как стоял между ними и Кэроу, выбирая, на чьей он стороне. Не важно, что выбора не было, одна иллюзия. Но все же не верилось, что брат и сестра поняли его и простили.

«Скажи что-нибудь», – говорил он себе. Но что? Зачем вообще вернулся? А что еще делать? Эти двое – его близкие, даже после того, что случилось. Вслух он произнес:

– Я не знаю, что сказать. Как объяснить…

Лираз оборвала его:

– Я *никогда* не пойму. – Голос прозвучал холодно и резко, как удар кинжала, и по тону можно было понять, *что* она подразумевала и, наверное, говорила о нем раньше.

Скотоложец.

При этой догадке он разозлился.

– Конечно, не поймешь. – Раньше, может, он и стыдился любви к Мадригал. Но теперь он стыдился только самого стыда. Любовь к ней была самым чистым чувством в его жизни. – Потому что сама любить не способна? Недотрога Лираз. Что это за жизнь? Мы просто *существуем,* чтобы выполнять его волю. Заводные солдатики.

Ее лицо исказили недоумение и ярость.

– Хочешь научить меня любить, Лорд Бастард? Благодарю, не надо. Видела, чем это для тебя закончилось.

Гнев ненадолго оживил опустошенного Акиву, но быстро улетучился. Лираз права: вот что сделала с ним любовь. Его плечи обмякли, мечи провели борозды по земле. Когда сестра схватила со стойки секиру и прошипела *«Нитилам!»,* это застало его врасплох.

Азаил вынул огромный меч из ножен, и его взгляд, как и голос ранее, был слегка виноватым.

Они напали.

Нитилам – противоположность *сиритар.* Это кровавый бой, в котором сражались до последнего, где главенствовал безбожный инстинкт выжить любой ценой. Энергия *нитилам* бесформенная, грубая, примитивная. Вот с чем пришли брат и сестра.

Его мечи взметнулись в блок. Где бы Акива ни был в мыслях, он вернулся в настоящее. Сталь звенела и визжала, никаких поблажек. Акива и раньше сражался против Азаила и Лираз, но сейчас все было иначе. Они били в полную силу и без промаха. Не может быть, чтобы они напали по-настоящему. Или?

Азаил орудовал двуручным мечом. Его удары были не так быстры и разнообразны, как у Акивы, зато неслись с чудовищной силой.

Меч Лираз остался в ножнах. Она размахивала массивной секирой, с явным удовольствием, хоть и не без усилия. Чудовищное оружие – длинное, в человеческий рост, древко с острым наконечником и смертельными лезвиями по краям – чертило в воздухе дуги и петли.

Почти сразу Акиве пришлось подняться вверх, чтобы уклониться от секиры. Он оттолкнулся от башни и устремился вниз, пытаясь уйти от нападения, но Азаил уже ждал его. Акива

блокировал удар, от которого затрещали все кости, и его отбросило на землю, под лезвие секиры. Он уклонился, а в земле осталась выемка размером с котел. Разворот, блок, более удачный на этот раз: меч Азаила скользнул по клинку Акивы, теряя всю мощь.

Так продолжалось долго.

Очень долго.

Время перевернулось в вихре *нитилам,* мечи стали Акиве латами, а инстинкты заменили рассудок.

Удары сыпались один за другим. Акива отражал их или уклонялся, но сам не нападал. Для атаки не было ни времени, ни нужной дистанции. Зажатый между братом и сестрой, он едва успевал защищаться. Иногда в ливне ударов бывали проблески. Тогда тысячной доли секунды было достаточно, чтобы распороть Азаилу глотку или подкосить Лираз, но Акива пропускал эти возможности.

Что бы они ни делали, он не причинит им вреда.

С горловым ревом быкокентавра Азаил нанес сокрушительный удар, выбив меч из правой руки Акивы. Заныла старая рана в плече, глаза застила кровавая пелена, Акива едва успел отскочить – и не смог уклониться от Лираз, ловкой подсечкой свалившей его с ног. Он упал на спину, распростав крылья. Второй меч отлетел в сторону вслед за первым. Лираз встала над братом, держа секиру наготове, чтобы нанести смертельный удар.

Она не спешила. Доля секунды показалась вечностью, которую приносит хаос *нитилам.* Акива успел увериться и разувериться, что Лираз действительно убьет его. Она замахнулась. Выдох опустошил ее легкие, секира неумолимо опускалась все ниже. Удар не отвратить: древко слишком длинное, Лираз не смогла бы остановиться, даже если захотела бы.

Акива закрыл глаза.

Он слышал, чувствовал свист рассекаемого воздуха, сокрушительную силу – но не сам удар. Мгновение прошло, и он открыл глаза. Лезвие впечаталось в землю рядом со щекой.

Лираз шла прочь.

Он смотрел на звезды и дышал. Вдох, выдох, вдох, выдох – и внезапная тяжесть в груди: *«Я жив».*

Он испытывал не мимолетное удивление или преходящую благодарность за то, что не всадили топор в лицо. Эти чувства тоже присутствовали, но все вытесняло осознание – и бремя – того, что он жив, в отличие от многих других. Жизнь стала не просто фактом «Раз меня еще не убили, то я вроде бы живой», а возможностью. Для действий, усилий. Пока он жив, заслуживает он того или нет, он будет защищать чужую жизнь, какими тщетными ни казались бы эти усилия.

«Хотя Кэроу никогда и не узнает».

Над ним появилось лицо Азаила, все в поту, раскрасневшееся, но добродушное.

– Хорошо лежишь?

– Чуть не заснул, – ответил Акива и почувствовал, что и правда хочет спать.

– Между прочим, для этого у тебя есть койка.

– Правда?.. Несмотря ни на что?

– Бастардом родился, бастардом и умрешь. – Так говорили, когда хотели напомнить, что из Незаконнорожденных нельзя уйти. Император растил их, чтобы они служили ему до самой смерти. Впрочем, для прощения «родства» мало. Акива посмотрел в сторону Лираз. Азаил проследил за ним взглядом. – Ты и правда считаешь нас заводными солдатиками? – Он покачал головой и беззлобно заметил: – Глупец.

– Я не это имел в виду.

– Знаю. – Так просто, он *знает*. Как всегда, без всякой театральности. – Если бы я думал, что ты сказал это всерьез, я бы тут не стоял.

Древко мешало Акиве подняться. Азаил рывком выдернул секиру из утоптанной земли и отставил в сторону. Акива сел.

– Слушай, на мосту… – начал было он, но не знал, что сказать. Какими словами просить прощение за предательство?

Азаил не заставил его мучиться в поисках нужного слова.

– На мосту ты защищал девушку. – Его голос, как обычно, был спокойным и ленивым. Он пожал плечами. – Знаешь что? Какое счастье понять наконец, что с тобой случилось.

Азаил говорил о событиях восемнадцатилетней давности. Тогда Акива исчез на месяц, а вернулся уже другим.

– Мы говорили об этом. – Азаил кивнул в сторону Лираз. Она расставляла оружие на стойке, то ли действительно не замечая их, то ли намеренно. – Мы сначала не понимали, в чем дело, а потом перестали об этом думать, давно уже. Ты стал другим. Не могу сказать, что таким ты мне нравишься больше, но ты же мой брат. Правда, Лир?

Сестра не ответила, ловко подхватив секиру, брошенную Азаилом.

Азаил протянул руку брату.

И это все? Акива с трудом пошевелился, все ныло. Плечо снова пронзила боль. Похоже, он отделался слишком легко.

– Нужно было рассказать нам о ней, – упрекнул Азаил. – Много лет назад.

– Я хотел.

– Знаю.

Акива покачал головой. Он мог бы даже улыбнуться, если бы не все это.

– Ты знаешь все, да?

– Я знаю тебя. – Азаил тоже не улыбался. – И я знаю, что-то случилось снова. На этот раз ты нам расскажешь.

– Хватит секретов. – Лираз все еще стояла в стороне, мрачная и воинственная.

– Не думал, что ты вернешься, – сказал Азаил. – В прошлый раз… ты сделал выбор.

Лираз не стала ходить вокруг да около и спросила:

– Где девушка?

Акива еще не произносил этого вслух. Рассказав, он сделает все реальностью. Слово застряло у него в горле, но он заставил себя выговорить:

– Погибла. Она погибла.

5
Странное слово с Луны

От: Зузана <rabidfairy@shakestinyfist.net>
Тема: Привееееет
Кому: Кэроу <bluekarou@hitherandthithergirl.com>

ПРИВЕТ. Привет привет привет привет привет привет привет.

Привет?

Ну вот, теперь *привет* кажется чужим и бессмысленным. Похожим на инопланетную руну. Представь, идет себе космонавт по Луне, видит – на камне написано *привет.* «О, необычное слово с Луны! Возьму-ка я его в подарок своему глухому сыну!» Но конечно, потом оттуда начнут вылупляться космические пираньи и в три дня уничтожат все человечество. Естественно, астронавт выживет – для того, чтобы в финальном кадре, рыдая на обломках цивилизации, вопрошать небеса: «Что я такого сделал? Это был всего лишь привееееет!»

Фууууух. Ладно, все нормально. *Привет* больше не несет в себе инопланетной угрозы. Космонавт, я спасаю тебя от разрушения Земли.

ДА НЕ ЗА ЧТО.

Урок: не привози подарков из странной местности. (Хотя нет. Привози.)

И еще: ответь мне, дай знать, что ты все еще жива, или тебе от меня достанется.
Зуз.

6
Сосуд

Кроме Лораменди, было еще одно место, куда могла отправиться Кэроу, объяснил Акива брату и сестре. Впрочем, она вряд ли там. К тому времени он уже убедил себя, что Кэроу оставила этот разоренный войнами мир, вернулась через портал к своей жизни: искусство, друзья, кафе, гробостолы. Акива почти уверился в этом, но его тянуло на север.

– Я всегда смогу тебя найти, – говорил он ей всего лишь несколько дней назад, перед тем как они разломили счастливую косточку. – Где бы ты ни спряталась.

Но он не хотел…

Только не так.

Киринские пещеры скрывались в глубине увенчанных ледяными вершинами Адельфийских гор, много веков служивших естественной преградой между Империей и свободными землями.

Там родилась Мадригал. Однажды она летала по горам в поисках оболочек, сброшенных духами воздуха – элементалями, а когда вернулась, сверкая в лучах бриллиантового света, то застала дом разоренным: ангелы уничтожили или угнали в плен обитателей. Мадригал выпустила из рук ворох оболочек, ветер занес их в пещеру. Со временем они истончались, превращаясь из прозрачного шелка в тончайший голубоватый пергамент, а затем рассыпались в пыль. Однако годы спустя, когда Акива вошел сюда в поисках Кэроу, пол усеивали светящиеся обрывки.

Он бывал здесь и раньше, давным-давно. Хотя горе окрашивало воспоминания о том времени, казалось, что место не изменилось. В глубь горы уходила вереница галерей и залов: наполовину произведение искусства, наполовину – природы. Повсюду, даже в отдаленных уголках, звучала неземная музыка, играли флейты ветра – узкие желобки, пронизывающие разветвленную сеть пещер. О киринах напоминало все: и плетеные коврики, и брошенные накидки, и опрокинутые стулья – свидетельство хаоса последних мгновений.

Посреди пещеры стоял светильник чеканного серебра.

Акива знал, что это. Он часто видел такие сосуды в битвах: химеры-воины несли их над собой на длинных изогнутых древках. На поле боя у Булфинча, где он впервые встретил Мадригал, она тоже была с таким серебряным светильником. Тогда Акива еще не догадывался, что это и зачем их берут на войну.

Великая тайна неприятеля стала ключом к его уничтожению.

Это была кадильница, сосуд для хранения душ погибших – до воскрешения. Акива заметил, что она простояла тут недолго. Пыль лежала толстым слоем повсюду, только не на кадильнице. Кто-то совсем недавно водрузил ее на стол. Кто же? Зачем?

Появление кадильницы тревожило неразгаданной тайной.

Серебряной проволокой к сосуду прикрепили листок бумаги с надписью на языке химер. Слово на бирке оказалось самой жестокой издевкой: оно и дарило надежду, и убивало ее.

Начертанное на листке химерское слово значило «надежда».

Кэроу.

7
Только не это

От: Зузана <rabidfairy@shakestinyfist.net>
Тема: Только не это
Кому: Кэроу <bluekarou@hitherandthithergirl.com>

Господи. Тебя убили, да?

8
Без конца

Акива погрузился в новый ад: все изменилось, и ничто не менялось.

Он снова был в Эреце, не убит, не в тюрьме, по-прежнему воин легиона Незаконнорожденных и герой Войны с химерами, известный всем Истребитель Тварей. Как жить по-старому, словно ничего не изменилось, словно не было ни другого мира, ни узкой улочки, ни девушки с синими волосами, которую он чуть не убил?

Акива изменился. Неясно, кем он стал, но от прежнего Акивы осталось мало. Все эти годы его поддерживала месть – и вот она исчезла, ее сменил кратер пепла размером с Лораменди: внутри горе, стыд, разъедающая безнадежность, а по краям – смутное осознание долга… и цели.

Какой цели?

Он никогда не задумывался, что же будет потом, после разрушения Лораменди и расправы над извергами, казнившими его Мадригал. На этом все заканчивалось, точка. Про дальнейшее Акива не думал, ведь он мог и не дожить до финала, как многие другие. В Империи все праздновали «мир», но для Акивы это стало затянувшимся продолжением истории, которая давно должна была завершиться. Впрочем, умереть сейчас или раньше было бы слишком просто. *«Живи в том мире, который ты создал,* – думал он, просыпаясь. – *Ты не заслуживаешь покоя».*

Продолжение было отвратительным: бесконечные невольничьи караваны, поруганные и сожженные дотла храмы, разграбленные деревушки и постоялые дворы, столбы дыма на горизонте. Акива, начав все это, давно пресытился местью, однако император жаждал полного истребления. Иорам опустошил свободные земли. Химер оказалось легко уничтожить: бежав от ангельского воинства, они укрылись в Лораменди – и сгорели заживо за стенами некогда неприступной крепости. Владения Империи расширились.

Война веками держалась на северной границе свободных земель, густо заселенных племенами химер. Теперь север завоевали, армия императора смертельной тенью надвигалась на мирный юг, выжигая деревни и поля. Жителей угоняли в рабство или уничтожали. Да, это происходило по приказу императора, но без Акивы ничего бы не вышло. Он уныло наблюдал за разрухой и опустошением, думая, много ли успела увидеть Кэроу. Как же сильно она его ненавидела.

Если бы она была жива, он не смог бы посмотреть ей в глаза.

Если бы она была жива.

Он решил вернуться за кадильницей в Киринские пещеры. Путь занял весь день. Душа Кэроу осталась, но воскреситель мертв. Из-за Акивы. При этой мысли он дико захохотал и уже не мог остановиться. Звуки, издаваемые им, были изнанкой смеха, как будто душу вывернули наружу, обнажив дрожащую плоть. Хохот сменился рыданиями. Хорошо, что его никто не слышал.

Акива взял сосуд в руки, попытался уверить себя, что это Кэроу, но, коснувшись холодного серебра, не ощутил ничего. В глубинах пугающей пустоты зародилась слабая надежда, что ее души там нет, не может быть. Он бы почувствовал.

Он отправился в человеческий мир, в Прагу, заглянуть в окно Кэроу, как в первый раз.

На кровати лежали двое, в обнимку.

Надежда была как глоток ледяного воздуха: от нее стало больно. Так же резко и внезапно его охватила ревность, за секунду бросило из жара в холод, сжатые кулаки раскалились, как

угли. Акива задрожал и пошатнулся от ненависти, но постепенно пришел в себя: там, на кровати, не она. Не она. За облегчением тут же последовало раскаяние и отвращение к себе.

Он подождал, пока проснутся друзья Кэроу: музыкант и крошечная девушка с еще более воинственным взглядом, чем у Лираз. В течение дня он следил за ними, надеясь, что Кэроу объявится, но ее не было. В какой-то момент ее подруга напряженно застыла, обводя ищущим взглядом толпу на мосту, крыши, даже небо. Акива понял, что и ей неизвестна судьба Кэроу.

В Эреце в разговорах и сплетнях не всплывало ни одной зацепки, ничего, что могло бы указать на Кэроу. Оставалась только кадильница – и заключенное в ней чудовищное объяснение.

Весь месяц Акива будто плыл по течению: нес службу, патрулировал северо-запад бывших свободных земель – дикие береговые линии и низкие гребни гор, усеянные крепостями. Для защиты от воздушных налетов форты воздвигали в глубине расщелин, но это никого не спасло. В битве при Армазине, одной из самых жестоких за всю войну, обе стороны понесли чудовищные потери, и крепость пала. Теперь стены гарнизона восстанавливали рабы под кнутами надсмотрщиков. Акива постоянно ловил себя на том, что смотрит на пленных, и каждый мускул в его теле натягивался, как тетива.

Это сделал *он*.

Подобные мысли отвлекали Акиву от более мрачных: он с трудом сдерживал отчаяние, постоянно думая о находке в пещере. Развеяться удавалось только во время тренировок, тайных занятий магией, общения с другими, особенно с Азаилом и Лираз, прощение которых он старался заслужить.

Так могло продолжаться долго, очень долго, но всеобщий «мир и покой» закончился.

В одну ночь. От дьявольского гнева императора, от его рычащей злобы бури повернулись вспять, а нежные лепестки сикоракс в садах Астрэ съежились и осыпались наземь.

В самом сердце диких южных земель, растоптанных воинами и погонщиками рабов, кто-то начал убивать ангелов.

Кто бы это ни был, он был силен и очень зол.

9
Зубы

– Эй, Зуз!

– Да?

Зузана сидела на полу у зеркала и сосредоточенно наносила на щеки розовые пятна. Мик пристально смотрел на нее, задумчиво наморщив лоб. Очень мило.

– В чем дело?

Он многозначительно покосился на телевизор. Они сидели у Мика, в квартире, которую он снимал вместе с двумя другими музыкантами, – у Кэроу телевизора не было. Зузана жила в квартире подруги с тех пор, как шоу под окнами немного утихло, там же они с Миком проводили ночи.

Он ел хлопья и смотрел новости, Зузана готовилась к дневному представлению. Хотя спектакль приносил им кучу денег, он ей уже осточертел. Кукольные представления приходилось разыгрывать изо дня в день, одни и те же. Тут нужен совсем другой темперамент, а Зузане быстро надоедало все – только не Мик.

– И что в тебе такого? – спросила она его на днях. – Мне редко кто нравится, даже в крошечных дозах, а от тебя я никогда не устаю.

– У меня суперсила, – с обычной милой серьезностью ответил он. – Называется «уникальная контактность».

Мик повернулся к подруге, и задумчивая складка на лбу стала еще глубже.

– Кэроу собирала зубы, помнишь?

– Ага. – Зузана искала накладные ресницы. – Для Бримстоуна.

– Какие зубы?

– Всякие. А что?

– Ха. – Мик снова отвернулся к экрану.

Ха? Зузана насторожилась и встала.

– Так в чем же дело?

Мик нацелил пульт на телевизор и увеличил громкость.

– Вот, посмотри.

10
Рассадник

– Они знали о нашем приближении.

Восемь серафимов стояли посреди пустынной деревенской улицы. Повсюду виднелись признаки внезапного бегства: распахнутые двери, дым из печных труб, упавший с воза мешок, просыпанное зерно. Взгляд ангела Бетены невольно возвращался к колыбели у перелаза. Украшена резьбой и такая гладкая – отполирована поколениями нежных рук, которые качали в ней малышей. *«И пели колыбельные»,* – подумала Бетена, как будто и это она видела. На мгновение она с болью представила, как звериная мать остановилась на этом самом месте, не в силах бросить колыбель, с трудом убеждая себя, что слишком тяжело тащить ее с собой.

– Конечно, знали, – сказал другой боец. – От нашего правосудия никто не скроется.

Он наслаждался собственной правотой, будто его слова высечены из бриллиантов и сверкают на солнце. Бетена устало посмотрела на него. Откуда столько пыла? Война – одно дело, но *это…* Химеры из деревень – простые существа, они возделывают землю, кормятся ее плодами, качают детей в стертых от времени колыбелях. Наверное, они и капли крови не пролили. Не то что фантомы, с которыми ангелы сражались всю свою жизнь, всю свою *историю,* – огромные, жестокие твари, они могли разрубить ангела пополам одним ударом, вырвать глотку клыками и сбить с ног магией, заключенной в вытатуированном «глазе дьявола». Тут все иначе, война никогда не проникала сюда, Воитель сдерживал ее у северных границ. В половине случаев фермеры даже не могли оказать вооруженного сопротивления, а когда они все же выступали со своими вилами – зрелище было жалким. Химер разгромили, Лораменди разрушили. Воителя уничтожили, и Бримстоуна вместе с ним. Фантомов больше нет.

– Может, пусть себе уходят? – Бетена посмотрела на зеленые поля и подернутые дымкой задумчивые холмы. Ее соратники рассмеялись, как будто она пошутила. Бетена не стала их разубеждать, но улыбнуться сама не смогла. Лицо застыло, кровь застыла. Конечно, нельзя их отпускать. Эдикт императора предписывает полное очищение территории от тварей и мест их скопления. Рассадников.

«Ну и что это за враг, где тут угроза?» — устало думала она. Завоеватели уничтожают деревню за деревней, хутор за хутором – без единой потери со своей стороны. Легкая работа. Безобразно легкая.

– Ну, вперед, за дело, – сказала она. Окаменевшее лицо, окаменевшее сердце. – Они недалеко ушли.

Крестьян искать легко: скот оставляет за собой дорожку помета, навозом усеяны все тропы на юг. Конечно, беглецы надеются найти спасение за Заповедным пределом, но далеко им не уйти. Через несколько лиг след привел к громадному трехуровневому акведуку – частично обрушенному сооружению для отвода воды.

Груды обломков заслоняли проход под арку. С воздуха было видно, что путь впереди чист. Дорога прорезала густую чащу, вилась по тесному урочищу, похожему на пробор в зеленых волосах. Следов зверей – помета, пыли, отпечатков лап и копыт – дальше не было.

– Они прячутся под аркой, – заявил Хэллем, решительно вынимая меч из ножен.

– Стойте. – Слово неожиданно сорвалось с губ. Соратники обернулись. Караван с рабами плелся по тропам и отставал на день пути. Восемь серафимов с легкостью уничтожили бы целую деревню.

– Нет, ничего, – покачала головой Бетена и махнула в сторону темного проема.

«Похоже на засаду», – хотела сказать она, но засады бывают на войне, а война закончилась.

Серафимы спустились к арке, с обеих сторон блокируя тварям путь к спасению. На случай арбалетов (ничего лучшего у фермеров быть не могло) воины держались ближе к валунам. От яркого солнца тени казались гуще. Химеры, скрывшиеся под аркой, наверняка привыкли к полумраку, и свет их ослепит. *«Вперед, за дело»*, – подумала Бетена, подала знак и ворвалась под свод в ослепительном сиянии крыльев, держа меч наготове. Она ожидала увидеть скот, сжавшихся фермеров, услышать знакомые звуки: стон загнанных в угол животных.

Она увидела скот, сжавшихся фермеров. Огонь ее крыльев осветил их мертвенно-бледным светом. Их глаза блестели, словно ртуть, как у тех, что рыщут в ночи.

Они не стонали.

Смех. Сухой, резкий, как будто чиркнули спичкой. Все не так. Ангел Бетена разглядела, что еще ждет их под акведуком, и поняла, что ошиблась: война не закончилась. Разве что для ее отряда, сию минуту.

11
Непостижимая тайна

– Таинственный похититель, – сказал телеведущий.

Поначалу знаки того, что в помещении кто-то побывал, были слишком незначительными и неправдоподобными, да и сам факт казался невероятным. Никто не способен проникнуть в здания известных мировых музеев, обойти многоуровневую защиту – и не оставить ни следа. Узнав, что кто-то действительно побывал *здесь,* музейные работники впадали в ступор.

Кроме того, оказалось, что украдено ничего не было. Все экспонаты на месте.

В этом сотрудники были уверены.

Таинственные визиты удалось обнаружить только благодаря Чикагскому музею имени Филда. Камеры наблюдения зарегистрировали движение: сначала только облачко, дразнящий уголок тени на границе обзора. Потом, лишь на миг, тень качнулась – и оказалась в центре кадра. Девушка!

Призрачный вор оказался девушкой.

Лицо разглядеть было невозможно: очертания высоких скул, длинная шея, волосы скрыты под шапкой.

Шаг – и снова ее нет, но и этого достаточно. Она существует, она была тут, в крыле Африки. Сотрудники тщательно осмотрели все залы. Так выяснилось, что кое-что все-таки пропало.

И не только в музее Филда. Теперь, когда стало известно, ***что*** искать, в других музеях естественной истории тоже начали проверять экспонаты и во многих обнаружили сходную пропажу, ранее не замеченную. Девушка действовала осторожно. Украденные предметы лежали не на виду, нужно было знать, что ищешь.

Она побывала по меньшей мере в десятке музеев на трех материках. Невероятно, но не осталось даже отпечатка пальца, ни разу не сработала сигнализация. Что же касается самих краж… Вопрос «как» быстро сменился куда более непостижимой тайной: «Зачем?»

Где это может пригодиться?

От Чикаго до Нью-Йорка, от Лондона до Пекина, из музейных диорам со скалящимися чучелами диких собак, комодских драконов, анаконд и полярных волков неизвестная похитительница крала *зубы*.

12
Я счастлива

От: Кэроу <bluekarou@hitherandthithergirl.com >
Тема: Я пока жива
Кому: Зузана <rabidfairy@shakestinyfist.net >

Я пока жива. («Не хочу на телегу!»)
Где я и что делаю?
Да уж, хороший вопрос.
Чокнутая, говоришь?
И не представляешь.
Я жрица в замке из песка
в краю пыли и звездного света.
Постарайся не волноваться.
Скучаю так, что не передать.

Привет Мику.
(P.S. «Я счастлива… Я счастлива…»)

13
Асимметрия

Свет сквозь ресницы.

Кэроу притворяется, что спит. Акива мягко проводит кончиками пальцев по ее векам, изгибу щеки. Его взгляд оставляет ощущение внутреннего тепла. Под взглядом Акивы будто греешься в лучах солнца.

– Я знаю, ты не спишь, – шепчут его губы ей на ушко. – Думаешь, мне не видно?

Не открывая глаз, она выдает себя улыбкой.

– Тсс, мне снится сон.

– Это не сон. Все на самом деле.

– Откуда ты знаешь? Тебя в нем нет. – Она настроена игриво, разомлела от счастья. От ощущения правильности происходящего.

– Я в каждом из них, – говорит он. – Теперь я там живу.

Улыбка сходит с ее лица. На мгновение она не может вспомнить, кто она и *когда*. Она Кэроу? Или Мадригал?

– Открой глаза, – шепчет Акива. Кончики его пальцев снова на ее веках. – Хочу тебе кое-что показать.

Она сразу вспоминает все и понимает, *что* он хочет показать.

– Нет! – Она пытается отвернуться, но он держит. Растягивает ей веки, пальцы давят и давят, но голос по-прежнему мягок.

– Посмотри, – уговаривает он и давит, давит. – *Смотри.*

И она открывает глаза.

Кэроу учащенно дышала. Это был один из тех снов, что умещаются между секундами, доказывая, что у сна своя реальность: время сжимается и разбухает, моргнешь – и проходит жизнь, дрогнут ресницы – и сгорают дотла города. Она сидела за столом. Разве она спала? Кэроу вздрогнула и выронила тигриный зуб. Руки взметнулись к глазам, веки все еще чувствовали прикосновение пальцев Акивы.

Сон… Когда же она успела заснуть? Сны кружили над ней, как стервятники, только и ждали, пока она выключится. Кэроу опустила руки, пытаясь успокоить бешеный стук сердца. Бояться больше нечего. Самое худшее она уже видела.

Легко избавиться от страха, но не от гнева. Во сне все казалось таким близким, родным… и это после всего, что случилось! Ложь, наглая ложь. Акива чужой. То чувство проскользнуло из другой жизни – жизни Мадригал из племени киринов, которая полюбила ангела и которую убили за это. Но больше она не Мадригал и не химера. Она Кэроу. Человек.

Как бы.

Времени на сны не было.

На столе при тусклом свете двух свечей лежало ожерелье. В нем чередовались зубы человека и оленя, бусины сердолика, восьмигранные обрезки железа, полые косточки летучих мышей. Ожерелье асимметрично, с одной стороны был зуб тигра, с другой – нет. Кэроу его выронила и теперь он, наверное, под столом.

Асимметрия в ожерельях не сулила ничего хорошего. Каждый элемент – зуб, бусина и кость – отражался на итоговом теле, малейший недочет вел к увечью.

Кэроу отодвинула стул и полезла под стол. На холодном глинобитном полу обнаружился мышиный помет, обрезки жгута и что-то влажное. Кэроу понадеялась, что это всего лишь вино-

градина закатилась под стол. *«Пусть лучше останется тайной»,* – решила она и продолжила поиски. Зуба нигде не оказалось.

Зуб, ты где?

Запасного тоже не было. Потерянный зуб, добытый в Праге пару дней назад, – пара тому, в ожерелье.

«Извини, что тебе не хватило ноги, Амзаллаг. Я потеряла зуб», – представив себе такой разговор, Кэроу рассмеялась – слабо и устало. С Амзаллагом все закончилось бы предсказуемо. Скорее всего он не стал бы жаловаться. Его воскрешали в бесчисленном множестве тел, и к недостаче он отнесся бы стоически (каламбур нечаянный). Обошелся бы без ноги. Однако не все помнили, что Кэроу только учится. На прошлой неделе она сотворила грифону Минасу чересчур маленькие крылья, он не смог взлететь и повел себя не слишком сдержанно.

– Бримстоун никогда не совершил бы такую глупую ошибку, – прошипел он.

Кэроу хотела ответить, как взрослый серьезный человек.

Ага.

Да, Бримстоун не совершил бы такую глупую ошибку, но воскрешение – не точная наука, а соотношение веса и размера крыла – как раз наоборот. Если бы Кэроу знала, кем станет, когда вырастет, она бы уделяла внимание другим предметам в школе. Она художница, а не конструктор.

«Я воскресительница», – всплыла странная мысль.

Кэроу забралась дальше под стол. Не мог зуб испариться.

Сквозь трещину в полу тянуло прохладой. Там дыра, вот куда зуб укатился. Кэроу обессиленно прислонилась к стене. Придется спуститься к жильцу ниже, спросить, можно ли поискать у него в комнате зуб. Нежелание пригвоздило ее к полу. *Только не это.*

Только не он.

Интересно, он у себя? Наверное. Иногда его присутствие чувствуется даже сквозь пол. Скорее всего спит: ночь на дворе.

Ничто не заставит ее пойти к нему посреди ночи. Ожерелье подождет до утра.

По крайней мере таков был план.

В дверь постучали. Кэроу сразу поняла, кто там. Для него заявиться к ней посреди ночи нисколько не затруднительно. Стук тихий, это настораживает больше всего: слишком интимно, тайком от других. Не надо им общих секретов.

– Ты у себя? – ласково окликнули из-за двери.

Кэроу напряглась. Она прекрасно знала, как обманчива его нежность. Зачем отвечать? Дверь на засове, пусть думает, что она спит.

– У меня твой зуб. Упал мне на голову.

Ладно. Теперь нет смысла притворяться – еще решит, что она от него прячется. Блин, почему она так реагирует на него? Стремительным шагом Кэроу подошла к двери, подняла древний засов – защиту от соседа, между прочим – и открыла дверь. Протянула руку за зубом. Незваному гостю оставалось только положить зуб ей на ладонь и уйти, но, конечно же, все было не так просто.

С Белым Волком всегда сложно.

14
Воздаяние ангелов

Белый Волк.

Первенец Воителя, герой объединенных племен и генерал армии химер – жалкой горстки выживших.

Тьяго.

Как всегда, элегантный и свежий, в белоснежном мундире, с серебристыми волосами, стянутыми на затылке кожаным шнуром. Белые волосы выглядят странно, ведь Тьяго очень молод – по крайней мере его тело. Душе его сотни лет. Волк выжил в бесконечной войне, хотя его смертям нет счета. Однако его тело в расцвете сил, могучее и прекрасное, великолепный образец мастерства Бримстоуна. Оно выполнялось в соответствии с указаниями хозяина: человек с виду, зверь в деталях. Чувственная улыбка обнажала острые клыки, сильные пальцы изгибались черными когтями, человечьи ноги от бедра переходили в волчьи лапы. Он был очень красив, одновременно грубый и утонченный, по-звериному опасный. Рядом с ним Кэроу бросало в дрожь от ощущения надвигающейся угрозы.

Что неудивительно, учитывая их прошлое.

У него появились новые шрамы, их не было во времена Мадригал. Одна из бровей рассечена, рубец криво полз через весь лоб. Другой шрам бороздой уходил от скулы под воротник, притягивая взгляд к широкой груди и гордому развороту плеч.

Последние кровавые сражения не оставили Белого Волка невредимым, но он выжил, стал еще красивее. Шрамы сделали его более *реальным.* У двери Кэроу он слишком реален, слишком рядом и слишком элегантен. Его всегда слишком много.

– Не спится? – спросил Тьяго. Зуб лежал у него на ладони: похоже, Волк не собирался его отдавать.

– «Не спится», – передразнила Кэроу. – А что, кто-то спит в наши дни?

– Спят, если получается.

В его взгляде сквозила жалость – жалость!

– У меня такое тоже бывает, – мягко заметил он. Кэроу понятия не имела, о чем он, но ее разозлил ласковый тон.

– Я про кошмары, – пояснил Тьяго.

«А, про кошмары».

– У меня не бывает кошмаров.

Он не поверил.

– Кэроу, о себе нужно заботиться. Или дай другим о тебе позаботиться… – Он выразительно обвел взглядом комнату у нее за спиной.

Она попыталась загородить проход, чтобы и щели не нашлось в качестве приглашения войти.

– У меня все хорошо.

Он сделал шаг вперед: ей придется либо отойти, либо терпеть его близость. Кэроу не сдвинулась с места. Он был гладко выбрит и источал слабый аромат мускуса. Кэроу не знала, как Тьяго удавалось сохранять безупречный вид среди пыльных развалин.

Впрочем, любая химера с радостью примчалась бы услужить Белому Волку. Его помощница, Шеста, наверное, и причесывает его волосок к волоску. Желания генерала угадываются с полуслова: не успевает он и рта раскрыть, как уже все выполнено.

Сейчас он возжелал войти к ней в комнату. Кто угодно уступил бы ему при первом же намеке, только не Кэроу, хотя из-за близости Тьяго ее сердце затрепетало, как у птички.

Он, не настаивая, внимательно посмотрел на нее. Кэроу знала, как выглядит: бледная, мрачная, исхудавшая до костей. Ключицы торчат, коса растрепана, черные глаза лихорадочно блестят от усталости. Тьяго впился в них взглядом.

– Все нормально? – скептически переспросил он. – Даже тут? – Он провел пальцами по бицепсу, и Кэроу отшатнулась, жалея, что на ней майка без рукавов. Она не хотела, чтобы ее синяки видели другие, особенно он; она не хотела выглядеть слабой.

– Все нормально.

– Ты бы попросила о помощи, если бы тебе было нужно? Тебе нужен помощник.

– Не нужен мне…

– Просить помощи – не значит признавать слабость. Даже у Бримстоуна были помощники.

Ее сердце сжалось.

Бримстоун. Да, у него были помощники, в том числе и Кэроу. Где же она была, когда его пытали, резали, жгли? Чем занималась, когда убийцы-ангелы сторожили его изуродованные останки, пока душа не исчезнет?

Исса, Ясри, Твига, все жители Лораменди… Где была она, когда их души покинули плоть и растворились в небытии?

Они погибли, Кэроу. Слишком поздно. Они все погибли.

Месяц назад в Марракеше эти слова разрушили ее счастье. За миг до того они с Акивой разломили ее амулет, птичью косточку-дужку, в которой Бримстоун сохранил воспоминания, и вся жизнь Мадригал вернулась к Кэроу. Она почувствовала, как обжигала плаха, когда палач занес топор. Она услышала истошный вопль Акивы, будто эхо крика тоже хранилось в амулете.

Восемнадцать лет назад ее убили. Бримстоун втайне воскресил ее, и она жила человеческой жизнью, не зная о прежней. В Марракеше прошлое вернулось, она *проснулась,* вынырнула в середине новой жизни: с обломком косточки в руке и – чудесным образом – рядом с Акивой.

Они нашли друг друга через миры, расстояния, жизни. Это ошеломляло. В то кристально чистое мгновение Кэроу познала истинное счастье.

Счастье разрушили слова Акивы, исполненные глубочайшего стыда и горького раскаяния.

Все погибли.

Она не поверила. Разум не допускал такой возможности.

Следуя за изувеченным ангелом Разгутом через небеса Земли в Эрец, она отчаянно надеялась, что слова Акивы – неправда, что не может быть такого. Потом она нашла город, и… города не было. Она до сих пор не могла поверить в случившееся. Она *жила* тут раньше. Здесь жили миллионы химер. А теперь? Разгут, ничтожество, при виде руин рассмеялся; это последнее, что Кэроу помнила. С тех пор она была как в тумане, не знала, как они расстались и где.

Она видела лишь руины Лораменди. Над обугленными развалинами нависла такая безмерная пустота, что воздух казался разреженным, будто в пейзаже что-то выскребли, выскоблили начисто, словно звериную шкуру.

Полное отсутствие душ.

Слишком поздно.

В оцепенении Кэроу бродила по развалинам. Жизнь Мадригал переплеталась с личностью Кэроу, оживали воспоминания смертей и утрат, где-то в глубине разбитого горем сердца зарождалось чувство безмерной вины. Это она полюбила врага и спасла его. Это она его освободила.

А он сделал *это.*

Горьким, жестоким было воздаяние ангелов.

Безмолвие нарушил чей-то голос. Кэроу резко обернулась, взметнув ножи-полумесяцы, жаждая смерти ангелов. Если бы перед ней возник Акива, она не пощадила бы его. Но это был не серафим.

Тьяго.

– Ты? Это точно ты? – удивленно произнес он.

Кэроу сжалась под взглядом Белого Волка, жадно разглядывающего ее с ног до головы. Воспоминания жгли. Отвращение кишело в животе, как клубок змей. Она стояла в мертвенном оцепенении, но в глубине души закипала ярость за новую жестокость мироздания. За то, что все погибли, а Тьяго остался жив.

В бойне выжил только он, ее убийца.

15
Противоречивые желания

Ах, если бы в ту давнюю ночь, в другой жизни, в другой плоти она заметила, что за ней следят… Счастье делает влюбленных беспечными.

Она, Мадригал из племени киринов, летела на зов огромного дерзкого чувства, мечты. Целый месяц они с Акивой тайно встречались в храме Эллаи, он ждал ее с нетерпением, снедаемый столь же пылкой страстью и замыслами изменить мир. Мадригал предвкушала, как при ее появлении его лицо озарится радостью. Этот миг она не забудет до самой смерти: его ждущее лицо, такое совершенное и золотое, светилось удивлением и счастьем. Улыбаясь, она спускалась через покров реквиемных деревьев в объятия любимого. Он обхватывал ее за ноги, скользил ладонями вверх по бедрам, притягивал к себе. Она так и не касалась земли – их губы встречались раньше. Крылья покачивались у нее за спиной, как огромные черные веера. Мадригал тихо смеялась, не обрывая поцелуя, и Акива опускался на мягкий мох, увлекая ее за собой.

Счастье кружило им голову, делало ненасытными. Они занимались любовью посреди рощи, на виду у ясноглазых эвангелинов, чьи ночные симфонии услаждали слух.

На виду у тех, кто следил за Мадригал от города.

Гаже всего было то, что Тьяго не приказал схватить их сразу, а продолжил смотреть. Поцелуев ему показалось недостаточно. Он хотел лично увидеть доказательства измены.

Какие же злодеяния совершили влюбленные в ту ночь?

Они неспешно перебрались в храм, пили из священного источника, ели хлеб и фрукты, принесенные Мадригал. Занимались магией. Акива учил ее чарам невидимости. У нее получалось, но лишь на мгновение: для магии ей не хватало боли, чары рассеивались. Там, в храме, она мерцала: то есть, то нет.

– Как вызывают жертвенную боль? – спросила она.

– Зачем тебе боль, не надо о плохом, давай лучше займемся приятным. – Он прижался к ней, и она оттолкнула его, улыбаясь.

– Так я и на секунду исчезнуть не смогу.

Вечно скрываться в храме не получится, рано или поздно они вернутся к своим. Тогда и понадобится умение летать невидимыми.

Потом они обсуждали, кого посвятить в свои планы, называли имена… Думали, когда лучше начать, и не хотели откладывать ни на минуту.

Также решали, кого *убить.*

– Волка, – сказал Акива. – Пока он жив, надежды на мир нет.

Мадригал промолчала.

«*Убить Тьяго?*»

Она знала, что Акива прав. Белый Волк не успокоится, пока не уничтожит всех врагов, и, конечно же, она не питала к нему никаких нежных чувств. Но убить? В нерешительности она теребила счастливую косточку-амулет, висящую на груди. Тьяго – душа армии и всеобщий герой. Химеры пойдут за ним в огонь и воду.

– Тут все сложно, – сказала она.

– Ты сама понимаешь, что иначе нельзя. Иорама тоже.

Император кровожаднее, чем Тьяго. А еще он отец Акивы.

– Ты… ты сможешь это сделать? – спросила Мадригал.

– Убить его? Я создан, чтобы убивать. Я чудовище, которое он сам сотворил.

– Ты не чудовище. – Она привлекла его к себе. Гладила лоб, всегда жаркий, как в горячке, целовала метки смерти на костяшках пальцев, как будто стирая вину за уничтоженные жизни. Им больше не хотелось говорить о смерти. Ах, если бы для мира их мечты не нужно было убивать!

Или, как показало время, умирать.

Тьяго решил, что узнал достаточно, и поджег храм.

Мадригал и Акива услышали крики эвангелинов раньше, чем дым и языки пламени проникли внутрь. Что заставило певчих змеептиц *так* кричать? Влюбленные отпрянули друг от друга в поисках оружия, но оно осталось в роще, как и одежда.

У выхода их встретила стража. Один из воинов держал мечи Акивы. Тьяго стоял впереди, поигрывая ножами-полумесяцами Мадригал.

– Как беспечно… – промолвил он, с издевкой чиркнув лезвиями.

На миг воцарилось молчание.

Потом начался хаос.

Акива поднял руки, призывая магию. Тьяго опередил его, и четыре воина-фантома тут же направили на ангела ладони с хамсами. Акиву захлестнула волна слабости. Он пошатнулся, упал на колени, солдаты навалились на него и стали избивать: рукоятями мечей, кулаками, тяжелыми сапогами, змеиным хвостом, обмотанным цепями.

Мадригал бросилась к Акиве, но Тьяго ударил ее в живот, подбросив в воздух. На мгновение все смешалось. Она рухнула на землю. Кости затрещали. Кровь хлынула горлом, заливая рот и нос.

Она чувствовала только боль, хрипела и хватала ртом воздух. Кашляла кровью, пытаясь вдохнуть. Ее обнаженное тело сжалось в комок вокруг боли. Боль и кровь. Она смутно видела ветви деревьев в огне и клубы дыма. Тьяго смотрел на нее, презрительно скривив рот.

– Мразь! – рявкнул он с отвращением. – Предательница. *Любовница ангела.* – Последнее обвинение было самым чудовищным и мерзким.

В его глазах читался приговор, и Мадригал решила, что умрет здесь и сейчас. Тьяго стоял в раздумье, его раздирали противоречивые желания. Недаром его прозвали Берсеркером: за неистовство, с которым он разил врагов, вырывая клыками глотки. Злить Белого Волка было опасно. Мадригал сжалась в ожидании удара.

Тьяго отвернулся.

Может быть, он хотел наказать ее сильнее, заставив смотреть. Или им овладел первобытный инстинкт, стремление альфы уничтожить сначала соперника. Акиву.

Было столько крови.

Время застыло, удушливый дым смешался с криками змеептиц. Все это происходило в жизни Мадригал, однако воспоминание стало частью Кэроу, как будто она сама захлебывалась от боли: Акива на траве, кровь заливает землю, струится в священный источник; Тьяго, зловеще спокойный, с бешенством в глазах наносит удар за ударом, лицо и белые волосы блестят от брызг крови.

Вмешался помощник, оттащил его от Акивы, иначе Тьяго убил бы ангела. В тюрьме Мадригал ждала своей казни, слушая ужасные крики любимого, которого пытали дни и ночи напролет.

Убийца, палач, изверг – он снова появился в ее жизни.

С другой стороны, посреди развалин Лораменди их история предстала в ином свете. Разве Тьяго не оказался прав?

Лучше бы им с Акивой умереть в тот день. Они *были* предателями. Предательскими были их любовь, мечты и, что хуже всего, ее глупая жалость, дважды спасшая ангела. Он стал Истребителем Тварей. Тьяго не преминул сообщить ей все заслуги и звания Акивы: Принц

Бастардов, Лорд Незаконнорожденных, Ангел Уничтожения. За каждым именем скрывалось обвинение: *«Из-за тебя, это все случилось из-за тебя»*.

Если бы не она, химеры выжили бы, Лораменди стоял бы на месте, Бримстоун нанизывал бы зубы, Исса, милая Исса, ворчала бы по поводу его здоровья и вешала бы змеиные ожерелья при входе в лавку. Дети самых разных форм со всех концов города по-прежнему играли бы на Серпантине, выросли бы и стали солдатами, как она сама, и меняли бы тело за телом.

Война бы продолжалась.

Вечно.

Оглядываясь в прошлое, Кэроу удивлялась своей наивности, своей вере, что мир может быть иным, что она изменит его.

16
Общее дело

– Отдай мне зуб, – настойчиво сказала Кэроу, протянув ладонь.

Тьяго подступил еще на шаг, ее пальцы коснулись его груди. Кэроу отдернула руку. Сердце бешено стучало: он слишком близко. Ей очень хотелось выйти из дверного проема, но тогда Волк вошел бы, а именно этого она старалась избежать. Со времени присоединения к повстанцам Кэроу никогда не оставалась с Тьяго наедине. Теперь он стоял слишком близко, и она почувствовала себя маленькой и слабой – человеком.

Жестом фокусника Волк раскрыл ладонь, словно испытывая, не заберет ли она сама. А если осмелится, что он сделает – за руку схватит? Кэроу не стала проверять.

– Для Амзаллага?

Кэроу кивнула. Волку был нужен новый Амзаллаг – пожалуйста, заказ выполняется.

«*Ай да послушная помощница!*»

– Хорошо. Он тут. – В другой руке Тьяго держал кадильницу.

У Кэроу внутри все перевернулось. Уже. Непонятно, почему эта сторона дела так ее пугала. Она представляла, как двое идут к обрыву, но лишь один возвращается – и ей становилось не по себе. Кэроу никогда не видела ямы, куда химеры сбрасывали отслужившие тела, и надеялась, что не придется, но порой – с попутным ветром – со свалки доносились тлетворные запахи, и жуткая действительность сама напоминала о себе. С кадильницами и новыми телами просто: они чисты и не несут отпечатков прошлого, а мысли о яме смутно тревожили ее.

В этом Кэроу была одинока. Волк выглядел невозмутимым – подумаешь, убил товарища и столкнул его тело в яму с трупами. Товарищ не возражал, ради дела – что угодно. Если старые тела не соответствуют новой цели, их следует заменить.

Тьяго впился в нее бледными глазами, и Кэроу захотелось отступить.

– Кэроу, началось. То, ради чего мы затевали все это.

Она кивнула. По спине пробежал холодок. Восстание.

«*Возмездие*».

– Есть вести?

– Нет, еще рано.

Недавно Тьяго отправил в Эрец первые эскадры: пять отрядов по шесть бойцов каждый. Кэроу не знала, зачем они летят. Она спрашивала, но, получив отказ, не стала настаивать. Тьяго ей тогда ответил: «Не забивай себе этим голову. Береги силы для воскрешений».

Бримстоун поступал так же – делал свое дело, а стратегические вопросы оставлял Воителю, вот и Волк пусть руководит восстанием.

– Мне не спалось. – Тьяго подбросил зуб на ладони. – Очень кстати возник повод подняться к тебе. Кэроу, позволь мне тебе помочь.

– Мне не нужна помощь.

– Послушай, мне нужно чем-нибудь отвлечься. – С этими словами Белый Волк прошел вперед, и ей пришлось отступить, чтобы не оказаться в его объятиях. Комната сразу же сократилась в размерах.

Когда-то эта небольшая спальня была очень красивой. На потолке мерцала мозаика, стены обтягивал выцветший шелк. Резные ставни на окнах были распахнуты навстречу ночи. Глубина проемов выдавала истинную толщину стен и напоминала о том, что химеры обосновались в крепости.

Имелись и другие помещения, более подходящие для работы Кэроу, но она заняла именно это – из-за засова на двери, для большей безопасности. Впрочем, что толку от засова, если Тьяго уже вошел?

Кэроу чувствовала себя идиоткой, но не отходила от двери.

– Лучше я сама.

Он подошел к столу и, глядя на нее, со стуком положил зуб.

– Ты здесь не сама по себе. Мы вместе, ты и я. У нас общее дело. – Он говорил с чувством и почти искренне. – В глазах тех, кто остался в живых, мы продолжаем дело моего отца и Бримстоуна.

Тяжесть унаследованной миссии угнетала: речь шла о судьбе целого народа, о спасении химер от полного истребления. Страну захватили, жители разбежались, отряд Тьяго – все, что осталось от армии, больше химер защитить некому. Только благодаря Кэроу появилась надежда дать отпор ангелам.

Когда она присоединилась к повстанцам, их было не больше шестидесяти – горстка бойцов, которым после падения крепости Армазин удалось уйти через шахты, и ополчение, собранное в лесах при отходе на юг. В отряде были в основном солдаты и несколько штатских: кузнец Эгир и две крестьянки-поварихи. Шестьдесят – ничтожное количество. Однако повстанцы рассчитывали не на свою нынешнюю численность.

У них были кадильницы.

В серебряных сосудах дожидались воскрешения сотни душ. Только Кэроу могла вернуть их в строй.

«Мы вместе, у нас общее дело», – вспомнила Кэроу и пристально посмотрела на Тьяго. Как ни странно, в ней не всколыхнулась ненависть. Наверное, от усталости.

Или, скорее, все решает судьба, дарует тебе жизнь, как платье из шкафа. Хочешь – надевай, не хочешь – иди голой.

В другом конце комнаты Волк разглядывал ларец, обитый тисненым шафрановым сафьяном. Кэроу хранила в нем инструменты – булавки, лезвия, молоток и клещи, а также зажимы самых разных размеров. С виду ничего особенного: медные винтовые зажимы, такие же, как у Бримстоуна. При умелом использовании они вызывали адскую боль. Ремесленник, выковавший их в кузне на окраине марракешской медины, не задавал вопросов, но посмотрел с такой ухмылкой, что Кэроу почувствовала себя полной извращенкой. Как будто ей это нравится.

– Сегодня платить дань болью буду я, – сказал Волк, и Кэроу стало легче на душе, хотя обычно в его присутствии она чувствовала себя мерзко.

– Ты уверен?

– Конечно. Я бы и раньше помог тебе с магией, но ты закрывалась. Думаешь, мне приятно, оттого что ты страдаешь в одиночестве?

«Да», – подумала Кэроу, но тут же усомнилась, не зря ли не доверяла ему и запиралась на ночь. Тьяго предлагает избавить ее от страданий, терпеть боль для ее магии. Разве тут откажешь? Он уже снимал свою безупречно белую рубашку.

– Иди сюда. – Белый Волк устало улыбнулся. – Приступай. Чем раньше начнем, тем быстрее закончим.

Кэроу сдалась. Она захлопнула ногой дверь и пошла к нему.

17
Дань болью

Боль сближает. Это знает любой, кто утешал страждущего. Беспомощная нежность, шепот, объятия – и двое становятся одной плотью перед лицом общего врага: боли.

Кэроу игнорировала мучения Тьяго и не касалась его больше необходимого. Пусть страдает. И все же… они были одни, трепетало пламя свечей, он – полураздетый и покорный. У Кэроу возникали и другие чувства, не только ненависть.

Она радовалась, что на этот раз не нужно истязать себя, чтобы сотворить очередное тело. И да, она испытывала благодарность.

– Спасибо, – нехотя сказала Кэроу.

– Рад тебе помочь. С удовольствием приду еще.

– С удовольствием? Странный ты.

Он рассмеялся в изнеможении.

– Удовольствие не от боли, а от того, что *тебе* не нужно мучиться.

– Как благородно с твоей стороны.

Она убирала инструменты. Рука у Тьяго большая, зажимы надевались и снимались с трудом.

– Ой, прости! – Кэроу вздрогнула, нечаянно защемив его трицепс, так что остался рубец. *«А он велел отрубить тебе голову»,* – вспомнила она и передумала извиняться. – А впрочем, нет. Так тебе и надо.

– Ты права, – согласился Тьяго, потирая руку. Губы дрогнули в полуулыбке. – Теперь мы квиты.

Ха.

– Как бы не так.

– Кэроу, я очень надеюсь, что ты меня простишь. Кэроу…

Волк жадно повторял ее имя, как будто пытался его присвоить. Смех замер у нее на губах. Набрав пригоршню зажимов, Кэроу направилась в другой конец комнаты, но его голос заставил ее остановиться.

– Я подумал, если я буду платить дань болью вместо тебя, мне удастся… искупить то, что… я с тобой сделал.

Кэроу в недоумении уставилась на него. Волк признает свою вину?!

Он опустил взгляд.

– Знаю, мне нет прощения.

«Хочешь пострадать – с радостью тебе помогу».

– Странно, что ты признаешь себя в чем-то неправым.

– Ну… не во всем, – мягко заметил он. – Ты не оставила мне выбора, Кэроу, ты же сама знаешь. Да, я мог поступить иначе и понимаю это. Уничтожение души – это чересчур. – Он посмотрел на нее с мольбой. – Кэроу, я был сам не свой. Я любил тебя. А ты… с этим… Ты немного вывела меня из себя.

По взгляду Тьяго было ясно, что ночь в реквиемной роще он запомнил в мельчайших подробностях.

Кэроу вспыхнула, вновь ощутив себя раздетой на глазах у толпы. Радовало только, что ее человеческого тела Волк не видел обнаженным.

Она склонилась к ларцу с инструментами.

– А еще… Я хотел тебе сказать раньше, но боялся, что ты не готова услышать.

«В чем еще ему хочется признаться?»

– Извини, мне нужно закончить…

Он оборвал ее:

– Это про Бримстоуна.

Напоминание о маге, как всегда, перекрыло ей горло. Она задыхалась от горя.

– Мы с ним во многом были не согласны. Об этом все знают. Но когда оказалось, что он тебя спас, не дал твоей душе исчезнуть… Он меня ослушался, однако я нисколько не рассердился. Поверь мне, я каждое утро просыпаюсь с благодарностью за то, что он сделал. – Волк выдержал паузу. – Я благословляю его доброту всякий раз, когда вижу тебя.

«Ага, теперь он сторонник милосердия».

– Еще бы ты не благословлял! Тебе позарез нужен воскреситель.

– Скажу честно, увидев тебя среди развалин, я чуть не пал на колени. Судьба дала нам тебя, наше спасение. Я молился Нитид и просил всего лишь надежду для нашего народа, а когда открыл глаза и увидел тебя – *тебя!* – ты была словно прекрасное видение, я понял, что Светлая Луна ответила мне. Ты единственная, кого Бримстоун учил своему делу.

На самом деле маг не занимался ее обучением целенаправленно, он вряд ли готовил себе замену, предпочитая нести свое бремя сам, до скончания времен. «*Бримстоун, Бримстоун…*» — Кэроу подумала о нем с нежностью и тоской. Она почти смирилась с тем, что учителя нет, что ему не удалось спастись, но временами из ниоткуда к ней приходила непоколебимая уверенность: его душа спрятана, она ждет, ее нужно найти.

Эти светлые мгновения быстро убивало раскаяние: конечно, ей будет проще, если Бримстоун вернется и возьмет все заботы на себя. В глубине души Кэроу радовалась, что ему больше не приходится страдать. Пусть теперь мучается Кэроу – она заслуживает и одиночество, и горечь самоистязания, и нескончаемую усталость, и боль.

Бримстоун не обучал ее специально, но полученных знаний ей хватало. Кэроу еле на ногах держалась от изнеможения, но, похоже, во всем разобралась, у нее получилось. Обошлось без помощи богов и лун, незачем приплетать сюда высшие силы.

– Нитид тут ни при чем, – сказала она.

– Может быть. Речь не о том. Я просто хотел сказать спасибо. – Его холодные глаза страдальчески заблестели. Кэроу резко почувствовала нелепость их положения: наедине, при свечах, Тьяго полураздет – и отвращение к нему подступило к горлу, как изжога.

– На здоровье. – Кэроу швырнула ему рубашку. – Одевайся.

Она снова отвернулась, пытаясь скрыть ощущение неловкости. Зазвенела цепь: Кэроу взяла со стола кадильницу и подвесила на крюк над новым телом Амзаллага.

Оно лежало перед ней, огромное и неподвижное. Чудовищное. Вряд ли Бримстоун гордился бы ею за подобное творение, но Тьяго убедительно доказал, что времена настали чудовищные, и раз повстанцев мало, необходимо увеличить мощь каждого солдата.

Тело отдаленно напоминало другие, более привычные оболочки Амзаллага: олень и тигр с торсом человека, – но было намного больше. Доспехи ему ни к чему, плоть защищена железной стружкой из брусьев клетки над Лораменди. Мышцы рельефные, раздувшиеся, кожа сероватого оттенка из-за избытка железа. Голова тигриная, клыки размером с кухонный нож. И еще крылья.

Ох уж эти крылья!

Ради них бойцам теперь приходилось менять тела. Все из-за Кэроу. Это она предложила перебраться сюда. Посмотрев на единственную луну за окном, Кэроу почувствовала страх. Не выжила ли она из ума? И все же в Эреце было слишком тяжело: приходилось скрываться среди развалин, под землей, постоянно ожидая нападения с неба. Она бы совсем свихнулась в тех условиях. Если бы они остались, скорее всего их бы уже нашли. И все-таки она не подумала о некоторых последствиях «переезда».

Главным образом о яме.

Чтобы перемещаться через портал *в небе,* нужны крылья. В первый раз тех, кто не мог летать, перенесли товарищи. Самых тяжелых пришлось убить, собрать души в кадильницы, переправить их в человеческий мир. Все бескрылые химеры теперь дожидались очереди на переделку – несли стражу в крепости, готовясь вскоре присоединиться к налетам в Эрец.

Лихо закручено. Ага. Кэроу в очередной раз вздрогнула при виде чудовища на полу. Предыдущее тело Амзаллага, последнее из сотворенных для него Бримстоуном, сейчас валяется на свалке. Его выбросили, как ненужное тряпье, – ради того, чтобы Амзаллаг стал *таким.* На мгновение она посмотрела на него глазами жертвы: огромные крылья затмили небо, от чудовища не уйти. Ее охватили ужас и безнадежность, ладони покрылись липким потом. *Что же она делает? Кого?.. Кого она привела в человеческий мир?*

Кэроу словно очнулась ото сна, глотнула холодного воздуха реальности – и вновь погрузилась в забытье. Страх отступил. Она приводит солдат в боеготовность – вот что она делает. Кто еще заставит серафимов заплатить за все?

Да, она привела чудищ в человеческий мир, но это отдаленное и всеми забытое место; шансы встретить здесь людей ничтожны. Она привыкла не замечать тоненький голосок, нудящий в голове: *«Кэроу, это слишком рискованно»*.

Она глубоко вздохнула. Нужно проводить душу Амзаллага в новую оболочку, ладан все сделает сам. Кэроу взяла комочек и повернулась к Тьяго. Волк успел надеть рубашку. Веки у него слипались от усталости, но он бодро улыбнулся.

– Все готово? – спросил он.

Она кивнула и зажгла ладан.

– Умница.

Ее снова возмутил его тон. «*Что же она делает?*» Кэроу встала на колени и приступила к воскрешению мертвого.

18
Восставшие

Невольничий караван подходил к деревне. Никому не показалось странным, что в небе кружат падальщики. Ничего удивительного, к стервятникам быстро привыкаешь. Правда, обычно им достается другая падаль – звери.

На этот раз все было иначе.

Трупы висели на верхних балках акведука. Казалось, восемь серафимов улыбаются, широко распластав крылья. Однако вблизи дурно стало даже надсмотрщикам. Лица убитых…

– Что за изверги сделали это? – выдавил кто-то из себя.

На замковом камне свода краснели размашистые буквы: *«Мы восстали из праха»*.

Ангелы немедленно отправили вестников в Астрэ. Охраны у них было мало, поэтому снимать погибших воинов с акведука не стали и поспешили дальше, погоняя невольников хлыстами. Рабы воспрянули духом: кроме надписи кровью, было еще одно послание – улыбки на лицах ангелов.

Кто-то разрезал ангелам рот до ушей, превратив лица в маску ужаса. Все понимали, что значат эти улыбки, и озирались по сторонам: одни со страхом, другие – с надеждой.

Наступила ночь, караван разбил лагерь и выставил караул. Время от времени тишину нарушали подозрительные звуки: кто-то пронесся в темноте, хрустнул сучок. Надсмотрщики тревожно озирались, сжимая рукояти мечей. Их руки раскалились добела, кровь шумела в ушах, глаза бегали.

И тут невольники запели.

Такого еще не было. Погонщики рабов привыкли к тому, что те скулят, а не поют, и перемена им совсем не понравилась. Звери выли дико – с вызовом и без страха. Хриплые голоса резали слух. Когда серафимы попытались угомонить толпу, чей-то хвост сшиб охранника с ног.

Пламя костра взметнулось и прибилось к земле – пришли они, исчадия зла. Спасители. Они спустились с неба. Ангелы поначалу решили, что подоспело подкрепление, но это были вовсе не серафимы. Крылья, рога, хвосты, медвежьи плечи. Клекот, крик, рычание. Щетина, когти.

Мечи и клыки.

Ни один ангел не выжил.

Освобожденные рабы растворились в окружающих лесах, прихватив с собой мечи, секиры и хлысты своих угнетателей. Теперь их будет сложнее подчинить.

Все затихло.

Здесь тоже осталось кровавое послание. Эти слова обнаружат при сходных обстоятельствах и в других местах.

«Мы восстали из мертвых. Теперь ваш черед подыхать».

19
Рай

Однажды ангел и дьявол полюбили друг друга и придумали новый мир: без резни и вырванных глоток, без погребальных костров, без восставших из мертвых и армий незаконнорожденных, без детей, отнятых у матерей, чтобы пополнить ряды идущих на смерть и убийство.

Однажды влюбленные лежали, обнявшись, в тайном храме луны и мечтали о мире, ждущем, когда они наполнят его своим счастьем.

Этот мир не стал миром их мечты.

20
Страна призраков

Акива, Азаил и Лираз с безмолвным негодованием смотрели на трупы ангелов. Тела, словно растерзанные хищниками, были неузнаваемыми: падальщики сделали свое дело. Однако на лицах погибших остались следы жутких увечий – безобразные улыбки, которые не появлялись уже несколько поколений. Серафимы и химеры помнили этот ужасающий оскал, знак Воителя.

Именно так он разукрасил лица своих хозяев-серафимов, когда тысячу лет назад порвал путы рабства и сотворил новый мир. Кровавый оскал на лицах ангелов был несомненным символом восстания.

– Гармония со зверями, – процедила сквозь зубы Лираз.

Акива напрягся, вспомнив собственные слова. Что тут ответишь? Погибшие воины – не безвинные младенцы, они оставили за собой разоренные деревни. Нет, он не считал, что солдаты заслужили подобную смерть, но и возмущения не испытывал, только безмерную горечь. Бойцы вершили насилие, им отплатили тем же. Таков мир.

В круговороте резни на расправу отвечали расправой, так будет вечно. Однако философствовать некогда: над головой кружили стервятники, ожидали пира. Акива оставил свои мысли при себе.

Солнце появилось на горизонте, озарив поле джессы. Нежно-зеленые колосья отливали золотом, мирно качаясь на ветру. Зерна еще не поспели и уже никогда не поспеют: солдаты подожгли край поля, вскоре огонь пожрет и колосья, и убитых. Пламя упокоит усопших – для воинов похорон не предусмотрено.

Сверху раздался крик:

– Эй! Вы что там делаете?

Акива запрокинул голову. Лучи восходящего солнца упали ему на лицо, янтарные глаза вспыхнули. Парящий в небе серафим побледнел, узнав героя войны.

– Прошу прощения, сэр, я… Мне не сообщили, что вы здесь.

Акива и вслед за ним брат с сестрой поднялись в воздух навстречу воину.

– Прибыло подкрепление с мыса Армазин, – доложил Акива.

В Армазине, крепости химер, располагался самый крупный гарнизон ангелов на территории бывших свободных земель. Этими резервами пополняли контингент войск на юге.

Молодой командир патрульного отряда, Ноам, ошеломленно смотрел на Акиву, не веря, что говорит с легендарным Истребителем Тварей.

– Я рад, что вы с нами, сэр, – сказал он.

Во второй раз: *сэр*. Лираз хмыкнула. Никакой он не сэр. Да, он прославился, его уважали, но он Незаконнорожденный, его чин низкий и всегда будет таким.

– Что вам удалось узнать? – спросил Акива.

– Столкновение произошло под акведуком, сэр, – с ужасом в глазах ответил командир.

Древнее сооружение высилось совсем рядом, густо поросшее деревьями, и напоминало парящий в воздухе лес. Акведук строили серафимы, еще в те времена, когда здесь обитали примитивные, злобные племена. Ангелы принесли дикарям блага цивилизации: превратили их в рабов, захватили их земли. Теперь, после тысячи лет свободы, южные земли снова в распоряжении завоевателей, и на этот раз захватчиков привел Акива.

– Там была засада, – пояснил Ноам. – Их убили под аркой и подвесили там. – Он указал на самый верхний уровень строения, где виднелись кровавые буквы.

Восстали из мертвых.

Взгляд Акивы застыл. Кто их воскресил?

– А не могли это сделать крестьяне? – спросила Лираз.

– В деревне жили каприны, – мрачно ответил Ноам.

Кроткие полуовцы отличались мирным нравом, им не одолеть серафимов, да и вывешивать трупы на акведуке они не стали бы.

– У противника есть потери? – спросил Акива.

– Нет, сэр. Только с нашей стороны. На мечах погибших нет ни капли крови.

Неужели закаленным в битвах воинам не удалось нанести ни одного ответного удара?

Ноам показал на дорогу, ведущую через холмы на юг.

– Вон там напали на караван с рабами.

Акива посмотрел в ту сторону. Чем не пастораль: тихие долины, цепочки холмов, темнеющие в предрассветной дымке, словно тени друг друга. Тишь и благодать. У горизонта виднелась призрачная луна.

Эллаи не спешила уходить, будто дразнила: *«Я знаю, что тут произошло. Мне понравилось».*

– А рабы?

– Сбежали, сэр. В лес. Конвоиров накормили цепями.

– *Цепями?* – Азаил подумал, что ослышался.

Ноам кивнул.

– Оковами освобожденных невольников.

Акива внимательно посмотрел на брата и сестру, но реакции от них не последовало. Ему хотелось спросить: *«Как бы вы поступили, если бы в кандалы заковали наш народ?»*

Считалось, что рабы необходимы Империи, но Акива придерживался иного мнения. Ему не было жаль конвоиров. Воины – другое дело. К чудовищным потерям добавились еще восемь погибших. В последнюю ночь совершено пять нападений: в Данкрейке, Покрове Духов, Шелесте, болотах Идзими и здесь, у холмов Маразель. Зачистные отряды уничтожены, изуродованные трупы оставлены в качестве грозного предупреждения.

«*Такой мир хуже войны*, – подумал Акива. – *Твои соплеменники веселятся и пьют за победу, а тебе выпала ужасная смерть*».

Пламя поглотило половину поля и часть тел. Сквалы парили в восходящих потоках раскаленного воздуха, лениво ныряя за одурманенными дымом сарангами. Насекомые неслись лавиной, спасаясь от жара, но из огня попадали лишь в полымя.

– Сэр, как вы думаете, кто на такое способен?

Акива сразу вспомнил о фантомах на полях сражений. Подобный урон могут нанести только самые чудовищные и противоестественные химеры. Но их больше не осталось.

– Может, выжившие на войне, – ответил он.

– Говорят, что древние монстры уцелели. – Ноам имел в виду Воителя и Бримстоуна.

– Поверь мне, они полностью уничтожены. – Акиве больше всего хотелось, чтобы это было не так… но юный Ноам об этом не узнает.

– А как же надпись? *«Мы восстали из мертвых».* Разве это не про воскрешение?

– Нас пытаются запугать, – заверил Акива. Воитель и маг не вернутся. Он видел их смерть своими глазами.

Но… смерть Мадригал он тоже видел.

Акива ощутил укол сомнения. Возможно ли это? Сердце забилось чаще, вспомнилась кадильница с именем Кэроу. Если существует воскреситель, то надпись «Кэроу» дарит надежду, а не горький упрек.

Нет, надеяться бесполезно.

– Другого Бримстоуна у них нет, – резко добавил он.

Лираз едва заметно сузила глаза. Почему она так смотрит? Может, поняла, о чем он подумал? О кадильнице она знала, само собой. «Хватит секретов», – потребовала Лираз, и секретов у Акивы больше не было. Или мимолетная надежда тоже считается? Нет, этим он делиться не собирался.

Ноам согласно кивнул.

– Говорят, что это призраки, – добавил он с напускной небрежностью, однако в глазах стоял неподдельный страх.

Впрочем, последние слова Бримстоуна устрашили и Акиву.

Когда все было кончено, над агорой Лораменди гулко звучал голос Иорама. От города остались руины и пепел. Воитель и Бримстоун стояли на коленях. Их казнили после того, как у них на глазах добили всех остальных. Всех.

– Ты сам приговорил их к смерти, – прошипел Иорам на ухо Воителю. – Вы бы никогда не победили. Вы *животные.* Вы действительно думали, что сможете править миром?

– Мы не об этом мечтали, – с достоинством ответил главнокомандующий химер.

– Мне неинтересно, о чем вы там мечтали. Ты знаешь, о чем мечтаю я? – спросил Иорам, хотя о его желании завоевать Эрец прекрасно знали все.

Оленьи рога Воителя превратились в обломки, но он гордо вскинул голову. Бримстоун едва держался, опираясь о помост раздробленной рукой. Его плечи тяжело вздымались. Жить магу оставалось недолго. Он нашел в себе силы дать императору ответ.

Акива в первый и последний раз слышал голос воскресителя: зычный, как удары крыльев бурелова, он шел из самых глубин древнего существа.

– Мертвые души думают лишь о смерти, – сказал Бримстоун. – Мелкие мечты – для мелких душ. Только жизнь растет, ширится и наполняет миры. У нас один господин: или жизнь, или смерть. Посмотри на себя. Ты – лорд праха и пепла. Ты запачкал себя своей победой. Радуйся ей, Иорам, потому что другой у тебя не будет. Ты – повелитель страны призраков и никем другим не станешь.

Эти слова прозвучали как проклятие. Иорам рассвирепел.

– Я создам страну призраков, страну трупов! Ни одна тварь не ускользнет, всех уничтожим или засечем до полусмерти, чтобы не смели и головы поднять!

Для императора гнев был состоянием покоя. Серафимы – существа огня, а пламя Иорама бушевало, словно жар звезды. Распаляясь от злобы, император становился ненасытной прорвой, неподвластным рассудку чудовищем.

Он убил Бримстоуна на месте, желая обезглавить его одним ударом. Маг рухнул, кровь хлынула рекой. Меч застрял в мощной шее. Иорам с усилием выдернул клинок и замахнулся снова. Воитель с бешеным ревом бросился на императора. Подскочили солдаты. Сбить пленника с ног удалось не сразу, он задел противника рогом, поубавив Иораму спеси в день триумфа.

С тех пор император выполнял свое обещание: свободные земли стали страной призраков.

– Если бы призраки могли убивать, мы бы уже давно стерли друг друга с лица земли, – пояснил Акива.

Молодой командир склонил голову, признавая мудрость этих слов.

– Сэр, есть ли новые распоряжения? – спросил он.

– Не называй его сэром, – возмутилась Лираз. – Ты знаешь, кто мы.

Незаконнорожденные. Бастарды. Никто.

– Но я… Он же…

– Не важно, – вмешался Акива. – Нет. Новых распоряжений нет. Что приказано делать? Выследить повстанцев? – Незаконнорожденные только прибыли в часть и не успели получить приказ.

Ноам покачал головой:

– Выслеживать нечего. Они исчезли. Мы… мы должны дать им ответ.

– Какой ответ?

– Ответить на их послания. Император… – Ноам тяжело сглотнул. В присутствии Акивы он взвешивал каждое слово. – Император желает оставить послание для них.

Акива промолчал, обдумывая услышанное. В крепости Армазин ему повезло: на севере больше некого убивать. Здесь все иначе, выжившие химеры бегут на юг, надеясь на спасение за Заповедным пределом. Лишенные крова фермеры и освобожденные рабы верят, что за горами их ждет новая жизнь. А ему приказано их отлавливать и уничтожать…

Не зря тебя прозвали Истребитель Тварей… Акиву охватили отчаяние, усталость и беспомощность. Он не хотел участвовать в бессмысленной резне.

Смрад горящей плоти поднялся выше. Ангелы взлетели на акведук. Ноам заметил кровь и прилипшие перья.

– Зачем все это?! – воскликнул он. – Я не помню, для чего мы все это делаем…

Кому он это говорил? Небесам? В пустоту? Его безумный взгляд остановился на Акиве.

– Сэр, когда это все закончится? – с мольбой в голосе спросил он.

«Никогда», – подумал Акива. Вскоре внутри у этого юного воина все очерствеет, отомрет, еще одна душа исчезнет, ее место займет монстр. «Армии нужны монстры для кровавых битв», – сказал в Марокко старый горбун. Акива понимал это лучше других. Он посмотрел на Азаила, Лираз. Не слишком ли поздно для них? Для него самого?

Беспомощное отчаяние, усталость и запах горящей плоти вызвали к жизни давно забытые воспоминания. Акива не позволял себе думать об этом с тех пор, как в храме Эллаи из его объятий вырвали нагую Мадригал.

Он представил два будущих Эреца: мечту Иорама – и видение того, что могло бы быть.

Иную жизнь.

21
Очень страшно

Свева подскочила с ощущением, что случилось непоправимое: она должна была караулить, а, кажется, заснула. Прислушалась, осмотрелась. Моргнула. Она словно скатилась из сна в ужас и теперь всем своим существом ловила малейшие шорохи.

Светало, над вершинами деревьев бледнело небо. Сколько она проспала? Сучок хрустнул, или приснилось?

Свева замерла, прислушиваясь. Тихо. Они в безопасности. Саразал еще спит. Ей незачем знать, что Свева уснула, а то устроит выволочку. Свева, с облегчением вздохнув, вытянула передние ноги – стройные, как у фавна, с младенческими пятнышками на шерстке. Младшая из двух сестер, она привыкла к том у, что ей все сходит с рук.

Так было раньше.

Когда они вернутся домой, Свева станет паинькой. Прекратит бездельничать, прятаться от мамы. Ох, мама, наверное, волнуется… Знают ли в племени, что сестер захватили в плен? Они вышли пробежаться после дня работы за ткацким станком. Все произошло из-за Свевы. Она быстрее сестры, самая быстрая в деревне. Свева убегала от Саразал, не хотела остановиться, старшей пришлось догонять, ведь младших не бросают. Вот и получается, что Свева виновата.

В деревне наверняка по ним горюют, решили, что сестры погибли. «*У нас все хорошо», –* повторяла она про себя, словно надеясь, что ее услышат. Ведь мамы чувствуют детей.

«У нас все хорошо, мама. Мы на свободе. Нас освободили!»

Ей так хотелось рассказать матери все: как с небес сошли фантомы – само возмездие. Огромные, ужасные. Правда, один из них не был ужасен, высокий такой, саблерогий. Очень красивый. Он дал ей нож убитого ангела.

Такая история взаправду приключилась! Свева расскажет все быстро, чтобы Саразал и слова не успела вставить. У Свевы получается лучше, она помнит все досконально. Например, как рабы запели. Хоть они были из разных племен, балладу Воителя знали все. Их голоса, такие разные, звучали, как сам мир: земля и небо, листок и ручей, коготь и клык. Рычание, крик. Некоторых рабов она боялась не меньше, чем конвоиров, но, к счастью, после освобождения все разбежались. Многие, с мечами и кнутами, устремились на юг, чтобы предупредить других. У Свевы тоже было оружие – нож, но она с трудом удерживала в руках эту массивную штуку. И они с сестрой шли не на юг – на северо-запад.

«Домой. Мы идем домой».

Пойдем. Как только Саразал станет лучше.

Свева закусила щеку, вспомнив о ноге сестры. Запах раны чувствовался даже через аромат трав в повязке. В темноте хрустнул еще один сучок. Свева, похолодев, вгляделась в темноту под густыми кронами дамселей, туда, где еще притаилась ночь.

Наверное, это сконт или другой выползень.

Ей очень хотелось в это верить.

Сердце забилось. Хоть бы Саразал уже проснулась. Дома старшая сестра мешает, указывает, что делать, но здесь, в чаще, когда сердце замирает от странных звуков и теней, куда она без сестры? Кто еще успокоит, кто скажет, что все будет хорошо?

Свева медленно выпрямилась. Стройное девичье тело от пояса переходило в олений круп и ноги. Племя дама – оленекентавры, миниатюрные кентавриды, легкие, гибкие, стремительные, самые быстрые среди химер. Свева всегда хвастала, что она быстрее всех в мире. Саразал, как обычно, спорила. Ну и пусть… Свева обожала быстрый бег, ей не терпелось пуститься

вскачь и нестись что есть мочи до самого дома. Они давно бы уже добрались до островерхих эзериновых лесов и мшистых долин Аранзу, где пасутся дама, гордые и свободолюбивые.

Они бы уже были далеко, если бы не нога Саразал.

Сестра спала, свернувшись в клубочек среди шелковистого, как шерсть, папоротника. Глаза закрыты, лицо умиротворенное. Свеве очень хотелось, чтобы сестра проснулась, но будить ее не стоит – слишком много бессонных ночей Саразал провела, мучаясь от боли. Все из-за оков. Свева сосредоточила всю свою ненависть на невольничьих кандалах. Вот как маленькая ненависть вырастает из большой и полностью ее поглощает. Когда Свева думала о надсмотрщиках – она всегда их будет ненавидеть, даже мертвых, – то сразу же вспоминала кандалы сестры, и ярость распирала ей грудь.

В невольничьем караване имелся запас различных оков – для ног, пояса, шеи. И никогда для рук. Почему не приковывали за руку, сестрам объяснил Раф, юный дашнаг, при виде длинных белых клыков которого Свева съеживалась, как вянущий цветок.

– Руку можно отрезать и сбежать. Без руки можно обойтись, – сказал он.

Вот как.

– Нет, я бы не смогла, – гордо сказала Свева. *Дикари.* Должно быть, дашнагам не хватает утонченности чувств. Как можно не ценить свое тело?

– Потому что ты не знаешь, что тебя ждет.

– А сам-то ты знаешь? – отрезала Свева и тут же пожалела об этом: Раф одним укусом мог отгрызть ей лицо. Может, он ее специально пугал? Ей и без того страшно.

Свева зябко поежилась. Теперь ей страшнее некуда. От раны сестры исходит сладкий запах гниения. Саразал, наверное, в лихорадке. Травы не помогают.

Их собрала Свева, даже жаробой нашла. Ну может быть, это был и не жаробой. Скорее все-таки он. А рана не заживает. Свева погладила саднящие следы оков у себя на талии. Сестре повезло меньше.

Свеву погонщики приковали за пояс – огромными кандалами, наверное, предназначенными для ноги быкокентавра. Для Саразал не нашлось ничего подходящего, поэтому надсмотрщики наскоро соорудили оковы из полоски железа. Скоба натерла сестре кожу, с каждым шагом все глубже впивалась в рану. В последние дни в плену Саразал еле шла… Рано или поздно ее бы бросили, но фантомы спасли их раньше. Раф сказал, что конвоиры не избавились от нее, потому что дама – ценные невольники. Живой Саразал не отпустили бы.

Фантомы пришли очень вовремя. Они появились из мрака на огромных крыльях, словно в страшном сне. Если бы не они… Освобожденные пленники бежали в горы, а сестрам не удалось уйти далеко. Саразал ковыляла с трудом, а на Свеву не обопрешься: слишком мала.

Свева вздохнула. Из темноты не доносилось ни звука. Мрак понемногу рассеивался. Пора будить сестру. Плечо оказалось горячим, глаза – мутными, с лихорадочным блеском. Саразал посмотрела на Свеву невидящим взглядом и снова закрыла глаза. Вина скрутила Свеве внутренности, вгрызаясь глубже, будто живое существо. Пусть сестра поспит еще немного… Свеве захотелось пригладить спутанные волосы сестры, спеть ей что-нибудь приятное, не балладу Воителя, а что-нибудь такое, где никто не умирает.

– Сара, утро наступило, пора вставать.

Стон.

– Не могу, – ответила сестра жалобно.

– Можешь, все получится. – Свева старалась говорить беззаботно, но сама все больше поддавалась панике. Саразал очень плохо. А вдруг она… Нет! Свева отогнала тревожную мысль. Нельзя об этом думать. – Все будет хорошо, вставай. Мама ждет нас.

Сестра застонала и отвернулась. Свева не знала, что делать. Саразал всегда командовала, решала за нее, уговаривала. Наверное, надо позволить ей поспать, дать время, чтобы жаробой подействовал… Свеву терзали сомнения.

А если это не жаробой? Может, эта трава приносит больше вреда, чем пользы?

– Вам нужно уходить, – раздался голос за спиной. Свева подскочила. *Кто это? Откуда он взялся? Так бесшумно подошел!* Ее охватил холодный ужас. Она резко обернулась, с трудом удерживая в кулаке нож. Раф, молодой дашнаг с длинными белыми клыками, выступил из тени. Какой же он огромный, хоть еще подросток. Свева долго хватала ртом воздух, отходя от испуга. Раф не сводил с нее глаз. По его звериному лицу нельзя было понять, что он думает. У него тигриная голова и кошачьи глаза, серебрящиеся на свету. Он охотник, плотоядный, хищник. Она бы запросто убежала от него, но сестру оставить нельзя.

– Что ты тут делаешь?! – воскликнула Свева. – Ты что, следил за нами?

– Я искал фантомов, – ответил он глубоким гортанным голосом. – Их нигде нет. Вряд ли они спасут вас снова.

Это что, угроза?

– Оставь нас в покое, – сказала она, закрывая собой Саразал.

– Не от меня спасать надо, – прорычал Раф. – Если бы ты следила за небом, сама бы знала.

– Ты о чем?

– Ангелы повсюду, тысячи. Воины, а не конвоиры. Если хочешь жить, уходи отсюда.

Ангелы… Ненависть вспыхнула с новой силой.

– Нас тут не отыскать, – ответила Свева.

Кроны дамселей сливались в плотный зеленый ковер и надежно прикрывали от посторонних глаз. Они с сестрой затерялись, как два желудя в лесу.

– Им не нужно искать вас, и так умрете. Посмотри сама.

Неподалеку, с пригорка, через прогалину открывался вид на покрытые лесом холмы. Свева оглянулась на сестру, Саразал спала, ее губы подрагивали, веки трепетали в несчастливом забытьи. Раф нетерпеливо рыкнул, и Свева решилась. Обошла его бочком, пританцовывая от страха, и сразу же рванула к пригорку.

Над холмами поднимался дым.

Черные клубы зависли над чащей у них на пути, в гуще деревьев виднелись языки пламени. В дрожащем от жара воздухе мерцали миражные огоньки: серафимы.

Беглецов травили огнем, выжигали этот край, испепеляли весь мир.

Ошеломленная Свева вернулась к Рафу.

– Ну что, видела?

– Да, – сердито ответила она, злясь на Рафа, как будто это он был во всем виноват. Гнев все же лучше, чем ужас. Она наклонилась к сестре, стала поднимать ее.

– Нет, не могу! Не могу! – по-детски запротестовала Саразал.

Свева еще никогда не видела сестру такой.

– Давай, ты можешь. Ты должна.

Старшая сестра беспомощно покачала головой.

– Све, не надо, пожалуйста. Больно. – Саразал зажмурилась, сморщив лицо, как плачущий ребенок. Она впервые признала, что ей больно. Чужим, далеким голосом она взмолилась: – Уходи, оставь меня. Я не могу. Я не буду винить тебя. Све, может, ты и вправду самая быстрая в мире. – Сестра попыталась улыбнуться. Све – так Свеву называли дома, и это воспоминание всадило ей нож в сердце. – Беги давай! – простонала Саразал.

Свева стала трясти сестру.

– Я останусь и умру с тобой, слышишь? Ты этого добиваешься? Вот тебе от мамы достанется! – Ее голос был пронзительным, жестоким. Надо было заставить сестру подняться. – И не говори мне, что ты бы меня оставила. Ты бы так не поступила, и я тебя не брошу!

Саразал приподнялась, ступила на раненую ногу и с криком упала.

– Не могу, – прошептала она с расширенными от ужаса глазами.

Одним прыжком Раф оказался перед ними. Свева почти забыла о дашнаге и не замечала его, пока он внезапно не появился снова, невероятно легкий и бесшумный при таком мощном сложении. Он подхватил Саразал под олений живот – так, чтобы ее голова легла ему на плечо. Саразал охнула и сжалась от боли и страха. Раф, не говоря ни слова, со своей ношей бросился в чащу, уходя от надвигающегося пожара и мерцания ангелов. Он даже не оглянулся.

Сердце глухо стукнуло, и Свева помчалась вслед за дашнагом.

22
Похитительница зубов

– Но почему зубы? Не понимаю, – недоумевал Мик.

Зузана резко обернулась, и Мик чуть не сбил ее с ног тележкой, на которой вез огромную марионетку для их шоу. Зузана застыла посреди тротуара, как крошечная повелительница. Надутые губы и хмурый взгляд по выразительности соперничали друг с другом: перевешивала то обида, то гнев.

– Не знаю. Не это главное. Она была здесь, в Праге, – вот что главное.

На мгновение обида проступила на лице Зузаны. Кэроу, или «похитительница зубов», она же «девушка на мосту» (кроме Мика и Зузаны, никто не догадывался, что это – одно и то же лицо), одно из своих преступлений совершила здесь, в Национальном музее Праги. По местным новостям показывали, как научный сотрудник светит фонариком в пасть слегка поеденного молью амурского тигра.

– Как видите, она похитила не клыки, а коренные зубы, – сказал он, оправдываясь. – Поэтому мы и не заметили. У нас нет причин заглядывать в рот экспонатам.

Кэроу была странным вором. Даже если бы Зузана не узнала ее по паре кадров из музея Филда, были и более веские доказательства, неизвестные полиции: девяносто альбомов с рисунками, которые сейчас лежали у Мика. С тех пор как Кэроу научилась держать в руках карандаш, она все время рисовала монстров, таинственные двери и *зубы.* Вечно зубы.

Хороший вопрос: «зачем». Зузана не знала, при чем тут зубы, но сейчас ее беспокоило другое.

– Почему она к нам не зашла? – Одна бровь негодующе изогнута, подбородок упрямо вздернут, мрачность взгляда перевесила по экспрессии обиженно оттопыренную губу. Сапоги на платформе, винтажная балетная пачка, кукольный макияж – розовые круги на щеках и хлопающие ресницы из фольги… Зузана выглядела самой настоящей безумной феечкой, как прозвала ее Кэроу, *rabid fairy* из своего электронного адреса.

Мик взял подругу за плечи и посмотрел ей в глаза.

– Мы не знаем, что с ней происходит. Может, она спешила. Или за ней следили… Мало ли.

– Это бесит больше всего. С ней что-то случилось, а я ничего не знаю. Я ее лучшая подруга. Почему она не расскажет мне, в чем дело?

– Не знаю, Зуз, – попытался смягчить ее негодование Мик. – Она же написала, что счастлива. Вот и хорошо, правда?

Они стояли у Карлова моста и еще не успели занять себе место для представления. На мосту уже толпился народ: художники, музыканты и апокалиптически настроенные личности со всего света. Мик обеспокоенно проводил взглядом старых джазменов с потертыми футлярами для инструментов.

Зузана не обратила на них внимания.

– Не напоминай мне про тот имейл! Что она вообще имела в виду?! Прибить ее хочется. Цитаты из Монти Пайтона, замки из песка… Ерунду какую-то понаписала! А про Акиву ни слова. Что это значит?

– Да, понятно, что ничего не понятно.

– Вот именно. Они хоть вместе? Почему она о нем не пишет?

– Конечно, ты ведь ей докладываешь обо всех моих приколах, о моем чудесном характере, о том, что с каждым днем я становлюсь все умней и краше. И смайлики повсюду ставишь…

Зузана фыркнула:

– Да-да, а подписываюсь я «миссис Миколас Вавра» и украшаю твое имя сердечками.

– Хм, звучит неплохо.

Зузана толкнула его в плечо:

– Хватит. Даже если ты предложишь мне руку и сердце, и не мечтай, что я стану твоим придатком: ни своего имени, ни индивидуальности, один только муженек на уме.

– А ты бы согласилась? – В голубых глазах Мика заиграл лукавый огонек.

– Что?

– Похоже, ты сомневаешься только в том, стоит ли брать мою фамилию. Значит, ты бы согласилась?

Зузана вспыхнула.

– Я этого не говорила.

– Значит, ты не выйдешь за меня замуж?

– Дурацкий вопрос. Мне восемнадцать!

– А, так дело в возрасте? – Мик нахмурился. – По-твоему, нам лучше сначала нагуляться? Расстанемся на пару лет, познаешь других…

Зузана прикрыла ему рот рукой:

– Не надо. Фу.

Мик, успокоенный, поцеловал ей ладонь.

– Ладно.

Она повернулась и пошла дальше. Мик с усилием сдвинул тележку с места и поспешил за подругой.

– Слушай, из абстрактного интереса, раз уж разговор зашел… В каком возрасте ты начнешь рассматривать предложения руки и сердца? – спросил он.

– Думаешь, все будет просто? – ответила Зузана не оборачиваясь. – Нет уж. Сначала будут испытания. Как в сказке.

– Похоже, меня ждут опасности.

– Не то слово. Предупреждаю, подумай хорошенько.

– Зачем? Ты того стоишь.

Зузана просияла от удовольствия.

Им удалось найти незанятый уголок со стороны Старого города. Марионетка в черном плаще мрачным стражем возвышалась на мосту, контрастируя с белыми одеяниями последователей культа ангелов, которые, рассевшись на земле, жгли церковные свечи и распевали псалмы. Обычно полиция их быстро разгоняла, но неуемные фанатики появлялись снова, искренне веря в то, что ангелы, однажды явившись во всей своей славе, вернутся сюда еще раз.

«Тупицы, вы ничего не понимаете», – презрительно подумала Зузана, но без особого чувства превосходства. Да, она лично знакома с ангелом. И что? Теперь-то она в полном неведении, как и все остальные.

Кэроу, Кэроу. Почему она не навестила подругу? А ее письмо! Дурацкое, непонятное, так и хочется дать ей по голове, но… Что-то в нем не так.

Зузану осенило.

Я счастлива… Я счастлива…

Зузане стало дурно от своей догадки. Она достала телефон и без труда нашла клип – классика жанра. «Я не хочу на телегу!» – вот подсказка. «Монти Пайтон и Священный Грааль». Они с Кэроу миллион раз посмотрели его, когда им было по пятнадцать. Вот по деревне катят телегу и кричат: «Выносите мертвецов!» Одного старика сдают живым, он отчаянно вопит: «Я не хочу на телегу! Я счастлив… Я счастлив…», – но его все равно забирают и, стукнув по голове, валят в телегу на кучу трупов. Зузана даже не удивилась, что Кэроу закодировала

послание «Священным Граалем», это вполне в ее духе. Не передает ли она таким странным образом, что в опасности? Но чем Зузана-то поможет? Сердце у нее забилось быстрее.

– Мик! Мик! – окликнула Зузана.

Он настраивал скрипку и не услышал.

Жрица в замке из песка? В краю пыли и звездного света?

Это тоже подсказка?

Может, Кэроу хочет, чтобы ее нашли?

23
Жрица в замке из песка

Кэроу была в касбе, в замке из песка – точнее, из глины, докрасна выжженной палящим солнцем. Южные границы Марокко усеяны сотнями таких средневековых крепостей, окруженных гордыми, неприступными стенами с магическими берберскими узорами и рядами острых зубцов, похожих на клыки гадюки.

Когда-то в касбах обитали могущественные кланы воинов, но сейчас все пришло в запустение, лишь в некоторых глинобитных крепостях влачили жалкое существование потомки былых храбрецов. Замок, найденный Кэроу, был пуст, в нем жили лишь аисты и скорпионы.

Когда она отправилась в человеческий мир за зубами, у нее не было ни малейшего желания возвращаться в Эрец, снова оказаться в мире, где царит запах смерти. Вспоминались грязь и темнота шахты, пульсирующие, словно вены, белесые корневища, зловещие крики летучих мышей-херувимов, эхо, грубые «товарищи», вечные взгляды и… никаких дверей, никакого уединения. Она ни на минуту не чувствовала себя в безопасности, особенно во время работы: совершая обряды, Кэроу погружалась вглубь себя и становилась совершенно беззащитной. Про сон вообще можно было забыть. Вот она и решила найти место получше, чтобы не сойти с ума.

Спрятать растущую армию химер в человеческом мире – задача не из простых. Требовалось большое, огороженное со всех сторон пространство, расположенное вдали от человеческих поселений и недалеко от Атласских гор – для свободного доступа к порталу, который ей показал Разгут. Вода и электричество были бы весьма кстати, но все же из разряда нереального: Кэроу не надеялась найти место, которое отвечало бы даже минимальным требованиям.

На удивление, касба подходила им во всем.

Она и вправду напоминала замок из песка, как написала Кэроу Зузане в своем единственном имейле. Величественная крепость оказалась целым городом: улочки, площади, кварталы, караван-сарай, зернохранилище, дворец – и везде гуляют ветер и эхо. Грандиозный замысел неведомых строителей внушал благоговение. На площади перед дворцом, в окружении высоченных зубчатых стен и нависающих карнизов, Кэроу чувствовала себя ничтожной пичугой.

Старинный город был прекрасен: вычурные кованые решетки на окнах, резные деревянные двери и ставни, белый кружевной орнамент и мерцающая мозаика на стенах, изумрудно-зеленая черепица крыш, взметнувшиеся ввысь мавританские арки – все как в арабской сказке, но сотворившие это чудо мастера давно умерли, сказка крошилась и рассыпалась.

Крепость полуразрушена. Во многих местах крыши провалились, от башен остались обвалившиеся стены. Лестницы вели в никуда, двери открывались в пустоту на высоте четвертого этажа, изъеденные трещинами арки кренились набок.

На север от касбы тянулась череда холмов, в отдалении виднелись зубцы Атласских гор, вгрызающиеся в небо. С другой стороны пологая равнина переходила на горизонте в Сахару. Вид настолько пустынный и безрадостный, что кажется, дерни скорпион хвостом – и это будет целым событием на многие мили вокруг.

Из своей комнаты, расположенной в самой высокой точке дворца, Кэроу рассматривала окрестности. Внизу, в окружении крепостных стен, простирался широкий двор, выложенный каменными плитами. В арочной галерее у главных ворот стояла группа химерских воинов. При появлении Кэроу они замолчали. Она возникла внезапно: шагнула из окна, так как лестницы и дорожки в устрашающем состоянии. Вдобавок зачем ходить, если умеешь летать? Ее бесшумный полет, без звука хлопающих крыльев, всегда настораживал химер. Собратья уставились на Кэроу разноцветными глазами хищников, быков, рептилий – и не поздоровались, когда она прошла мимо.

Жара душила, как глухой мешок, но Кэроу надела рубаху с длинными рукавами, чтобы скрыть синяки. На бедрах висели ножи-полумесяцы: защита, без которой она и хотела бы обойтись, да не могла. Все химеры ходили вооруженными, так что Кэроу не выделялась на их фоне. «Товарищи», может, и не догадывались, что этот аксессуар у воскресительницы из-за них.

Когда Кэроу вошла в главный зал, кто-то за ее спиной тихо прошипел: *«Предательница»*. Ее пронзила боль, но она не подала виду и продолжала идти – навстречу смолкающим разговорам и невидящим взглядам. Наверное, это сказал Хвит, он накладывал себе еду, или Лиссет, или Ниск, они уже ели. Однако Кэроу подозревала, что это Шеста, по одной простой причине: полуволчица, единственная выжившая из свиты Тьяго, общалась с Кэроу гораздо дружелюбнее остальных – прекрасное основание для недоверия.

«Чудная у меня тут жизнь», – подумала Кэроу.

Даже если Шеста и говорила гадости за спиной, сейчас она была сама любезность.

– Держи тарелку. Я как раз собиралась принести тебе еду наверх.

Кэроу подозрительно покосилась на тарелку.

От Шесты не ускользнул этот взгляд.

– Не волнуйся, не отравлено. Кто же тогда меня воскресит? – Она хрипло рассмеялась, раскрыв волчью пасть. – Меня Тьяго попросил. У него совещание с командирами, иначе он бы сам принес тебе поесть.

Кэроу взяла тарелку с кускусом и овощами. Еда была еще одной причиной, по которой они перебрались сюда: в Эреце раздобыть продовольствие было трудно. Там они питались в основном вареной джессой, клейкой, как глина, да и на вкус такой же. Здесь же Кэроу брала раздолбанный грузовик и объезжала окрестные селения, где скупала зерно, финики и овощи мешками, а в одном из внутренних двориков царила династия тощих кур.

– Спасибо, – ответила Кэроу.

Уже несколько вечеров Тьяго приносил ей ужин, чтобы она не прерывала свою работу. Кэроу признавала, что его визиты лучше, чем сомнительное радушие товарищей, тем более что Волк еще и дань болью платил. Синяки, покрывавшие его руки, переливались всевозможными оттенками, от бледно-желтого до темно-фиолетового. «Настоящее искусство, – охарактеризовал их Тьяго и сделал Кэроу отвратительный комплимент: – У тебя получаются красивые синяки».

В этот вечер он не пришел, и когда Кэроу поняла, что ждет его – ждет Волка! – она резко поднялась и вышла в окно.

Шеста услужливо провела ее к столу. В это время в зале было не очень людно. Быстро окинув присутствующих взглядом, Кэроу отметила, что половина из них – ее творение. Определить было легко: крылья, массивность. Она создала тела Амзаллага, Ниска и Лиссет. Уора, Хвит и Баст ждали своей очереди и поэтому с сомнением косились на Кэроу. Все в лагере понимали, что через несколько дней, недель или даже часов их души окажутся в руках «предательницы». Кто знает, может быть, кто-то из них уже сегодня пойдет к яме вместе с Тьяго. Химерские воины знают наверняка только одно: рано или поздно они погибнут.

Они привыкли к этому.

А вот доверять свое воскрешение предателю им было в новинку.

– Нектара? – спросила Шеста.

Шутка. Волчица кивнула в сторону бадьи с речной водой и набрала кружку для Кэроу. Когда они уселись, Шеста сказала:

– Я сегодня видела Резака.

– Вот как? – Кэроу сразу насторожилась. Резак – хетский жрец, использующий в обрядах кости. Сегодня она вытащила его из горы кадильниц и воскресила. Задача была очень сложной, все выполнялось по специальному заказу Тьяго.

Шеста кивнула.

– Ему голова покою не дает.

– Привыкнет.

– Кэроу! Львиная голова – у хета?

Кэроу прекрасно знала, какие головы у хетов: огромные фасеточные глаза и жвала муравьев, похожие на клешни краба. Нечто отвратительное и леденящее душу. Как Бримстоуну удавалось сделать такие головы? У Кэроу не было зубов насекомых, и у Бримстоуна, кажется, тоже.

– Он был нужен Тьяго срочно. У меня не нашлось ничего лучше льва.

Резак и этого не заслуживал. Они не встречались раньше, но, работая над ним, Кэроу почувствовала темную личность. Каждая душа оставляла в ней свой уникальный отпечаток, след Резака был отвратительно склизким. Почему он так нужен Тьяго, Кэроу не знала, но, как всегда, не спрашивала. Она делает свою работу, Волк – свою.

– Что ж, он так гораздо симпатичней, – признала Шеста.

– Может, он прибежит поблагодарить меня за новую внешность?

– Ага, не прячь когти. – У химер эта поговорка значила, что не нужно поддаваться самообману и расслабляться. Будь начеку. Кэроу оценила уместность совета.

Она ела, набив рот, когда вдруг Шеста невзначай произнесла:

– Тьяго попросил меня помочь тебе в работе. Кэроу хотела ответить, но кускус глиной слипся во рту.

– Одной с таким ответственным и сложным заданием не справиться, ведь так? – невинно продолжала Шеста.

«Бримстоун справлялся один», – подумала Кэроу, понимая, что сравнение не в ее пользу. Кроме того, Бримстоун не работал в одиночестве.

– Я буду твоей помощницей. Как та женщина из племени нагов.

Кэроу напряглась при небрежном упоминании Иссы.

– Возьму на себя всю черную работу, а ты займешься своими неотложными делами, – не унималась Шеста.

– Нет! – резко возразила Кэроу. В душе все бурлило от возмущения: *«Ты не Исса»*. – Передай Тьяго спасибо, но…

– Но ведь от предложений Белого Волка не отказываются, – удивленно заметила волчица.

Ага, ну конечно, все должны делать то, что он велит. Впрочем, ей и правда нужна помощь. Неужели придется терпеть присутствие Шесты?

В волчице, как и в остальных «братьях по оружию», чувствовалось что-то дикое. Похоже, Кэроу основательно подзабыла своих близких и друзей. Наверное, раньше она этого не замечала. Когда она присоединилась к повстанцам, произошел один случай. В выжженном дотла Лораменди торчал остов арзы, как огромная обугленная рука подземного чудовища. На сучьях некогда красивого дерева болтались черные шары, и лучники стреляли по ним, как по мишеням. Кэроу и представить себе не могла, *что* это, пока не услышала, как солдаты называют их «яблоками с арзы». Сглупив, она выпалила:

– Яблоки? Вот уж не думала, что на арзе растут яблоки.

Как они на нее посмотрели… При воспоминании ее каждый раз обжигал стыд. Все уставились на нее как на дуру, а Шеста пояснила:

– Это головы.

Кэроу побледнела.

– Они стреляют по головам?

Ей казалось невероятным, что можно развлекаться, стреляя в подвешенные головы погибших соплеменников. *Они же свои.*

– А что еще с ними делать? – невозмутимо ответила Шеста.

– Похоронить… – удивленно предложила Кэроу.

В ответ Шеста злобно прорычала:

– Лучше мы отомстим за них.

От этих слов у Кэроу мурашки поползли по коже, хотя мелькнула и искра восхищения. Кэроу много раз вспоминала этот случай, но ничего хорошего в нем не видела. Разве нельзя похоронить мертвых – и отомстить за них? Только дикари оставляют трупы непогребенными. Она понимала, что возмущение берет начало не только в ее человеческой природе.

В ней боролись два разных начала: мысли и впечатления Кэроу осознавались немедленно, но к ним добавилось восприятие Мадригал – совершенно иные убеждения и эмоции. Несовпадение чувств создавало странную вибрацию. Не дисгармонию, нет: они ведь были одной личностью, просто с разным опытом. Кэроу прожила человеческую жизнь, ее оценки были обусловлены реалиями мира людей, роскошью свободы и безопасности. Если Мадригал ко многому успела привыкнуть, то Кэроу чудовищные будни войны ранили. Подвесить на дереве обгоревшие головы? Мадригал не падала от подобного в обморок, но в ее времена химеры хоронили своих мертвецов. Да, часто приходилось собирать души и уходить, оставив тела на поле боя. Но стрелять по мертвым, как по мишеням? Чувства Мадригал отвергали подобное. Неужели за восемнадцать лет химеры забыли о древнем обряде захоронения, главном отличии цивилизованных народов от дикарей?

– Тьяго нужны бойцы, и чем скорее, тем лучше, – напомнила Шеста. – Это очень важно.

– Я больше времени потеряю на твое обучение.

– Я уверена, что есть много дел, которые я смогу выполнять уже сейчас.

Конечно: лепить из ладана конусы, очищать зубы, платить дань болью, но что-то в Кэроу противилось тому, что Шеста все время будет с ней. Только не она. Шеста безгранично предана Белому Волку. Сколько веков она ходит за ним тенью и слепо выполняет любые приказы?

А еще она была в реквиемной роще.

– Пусть лучше даст мне кузнеца. Зубы нужно оковывать серебром. Для ожерелий.

– Эгир занят. Он *оружие* кует. – По голосу волчицы было ясно, что делать оплетку для зубов – ниже его достоинства.

– Чем я занимаюсь, по-твоему? – презрительно осведомилась Кэроу. – Бусиками балуюсь?

Она посмотрела Шесте в глаза – золотисто-карие, как у настоящего волка. Это у Тьяго – бледно-голубые, у волков таких не бывает. *«Вот и звался бы белой эскимосской лайкой»,* – раздраженно подумала Кэроу.

– Эгир нужен на своем месте, – раздраженно ответила волчица.

– Странно, что именно без тебя Тьяго может обойтись.

«Кто же будет его причесывать?»

– Он считает, что это очень важно.

Шеста говорила жестко, отрывисто, и Кэроу задумалась, сможет ли выиграть в завязавшейся перепалке, тем более что ее аргументы против такой помощницы никуда не годились… Вдобавок, у Тьяго достаточно оснований для недовольства: новая воскресительница ни в какое сравнение не шла с Бримстоуном. Восстание давно пора было поднимать, а бóльшая часть воинов все еще без крыльев, да и гора кадильниц не уменьшалась.

А те немногие, кого она с таким трудом вернула в строй, все еще не вернулись с первого налета в Эрец.

Если с ними что-то случилось… Кэроу захотелось сползти на пол и заплакать. Половина отряда – ее работа. Она неустанно трудилась над ними, все руки в синяках, места живого не осталось. Нет.

Остальные крылатые бойцы – из уцелевших в битве при Армазине, среди них Зири, единственный в отряде Тьяго, кто не радовался казни Мадригал.

Зири.

Тьяго говорил, еще рано ждать новостей. Кэроу вздохнула и потерла виски. Шеста приняла это за знак согласия, изобразив некое подобие волчьей улыбки.

– Отлично. Приступим сразу после ужина, – сказала она.

Что? Нет!

Кэроу не знала, стоит ли возвращаться к потерянным нитям разговора, но тут в зал вошел кто-то огромный и с вызовом встал на пороге. Она узнала его сразу, даже не разглядывая. Как же иначе, ведь она сделала его только сегодня.

Резак.

24
Любовница ангела

Разговоры прекратились. Все обернулись к Резаку, который стоял на пороге и в упор смотрел на Кэроу.

У нее внутри все перевернулось. Это была самая неприятная сторона дела. Одни, как Амзаллаг, шли к яме и просыпались, понимая, где они, с кем и что произошло в Эреце. Другие, погибшие при Армазине, не знали, что Лораменди пал, не подозревали, что оказались в другом мире. Они смотрели на Кэроу, не узнавая. Кто она, эта девушка с синими волосами, без крыльев или рогов? Для них она была чужой.

Кэроу никогда не слышала, что о ней рассказывали воскрешенным. Она надеялась, что это происходило так: «Вот наша новая воскресительница, она вернула тебя из мертвых, помогла нам перебраться сюда… Глянь, сколько здесь еды!» Впрочем, объяснение скорее всего было другим: «У нас нет выбора, нам без нее не обойтись». В самые тяжелые минуты Кэроу казалось, что про нее говорили: «Как бы нам ни хотелось ее убить, нельзя». Пока.

Похоже, Резаку этого никто не передал.

– Ты! – рявкнул он и рванулся к ней.

Кэроу легко выскользнула из-за стола. Шеста споткнулась и замешкалась. Резак приземлился на столешницу там, где только что сидела Кэроу. Стол треснул и провалился. Опрокинутая бадья с грохотом упала на пол, расплескивая воду. Все зашевелились – кроме хета, который зловеще замер, изучая Кэроу.

– Любовница ангела! – рявкнул он, и Кэроу вспыхнула от стыда.

Это было самое чудовищное оскорбление для химеры. Ни в одном из человеческих языков не было столь грязного ругательства. Омерзительные слова хлестнули ее как бичом. Мадригал – единственная, кто опозорил себя подобной связью.

Щелчок хвоста – и Резак скользнул на пол. Громадное тело ящера – помесь комодского дракона и кобры – струилось, как легкий ветерок.

Это она дала ему грацию и скорость. *«Заруби себе на носу»,* – упрекнула себя Кэроу, уворачиваясь. Она тоже двигалась грациозно и быстро, будто танцевала. Изящный шажок – и она в другом конце комнаты, с ножами-полумесяцами наготове. Она и не заметила, как достала их.

Львиную морду Резака исказила ярость. Раскрыв огромную пасть, жрец с горечью прорычал:

– Знаешь, что я из-за тебя утратил?

«Из-за тебя, из-за тебя». Ей хотелось закрыть уши, но руки были заняты ножами.

Шеста попыталась что-то втолковать ему шепотом. Он не обратил на нее внимания и снова рванулся вперед. Мимо Шесты, мимо Баст. Полукошка даже не пошевельнулась, чтобы вступиться за Кэроу – впрочем, Баст была вдвое меньше Резака. Амзаллаг в нерешительности смотрел на происходящее. Кэроу снова легко увернулась. Никто не вмешивался, и у нее в груди вспыхнула ненависть: *«Неблагодарные засранцы»*. Ей стало смешно – они с Зузаной всех называли засранцами: детей, голубей, дряхлых старушек, неодобрительно косившихся на лазурные пряди Кэроу. Это всегда было весело. Засранцы, вонючки, фиссуры. Глядя на помесь льва и дракона, урода с липкой душой, Кэроу расплылась в широчайшей улыбке, похожей на ее ножи-полумесяцы.

При следующем движении Резака Кэроу осталась на месте и выставила перед собой клинки. Стиснув зубы, она провела одним лезвием по другому, высекая скрежет. На мгновение

это привлекло внимание хета. У Кэроу пронеслись мысли: *«И что теперь? А если придется его убить? Смогу ли я?»*

Мелькнула белая молния – и все прекратилось. Тьяго встал между ними, и Кэроу не пришлось никого убивать. Хет повиновался приказу и пошел к выходу, сметая хвостом стулья.

Лиссет и Ниск перехватили его, а Кэроу не двинулась с места. Она так и не перевела дыхание, кровь гудела в руках, сжимавших ножи. На мгновение она снова стала Мадригал – не предательницей, а воином.

Только на мгновение.

– Отведи ее в комнату, – велел Тьяго Шесте. Он говорил так, будто речь шла о сбежавшей из психбольницы.

Улыбка Кэроу погасла.

– Я еще не закончила ужин, – возразила она.

– По-моему, закончила. – Он с прискорбием окинул взглядом сломанный стол и еду на полу. – Я принесу тебе поесть. Ты не заслуживаешь такого обращения, – произнес он ласково, заискивающе. Придвинулся поближе, заботливо спросил: – Ты в порядке? От злости Кэроу чуть не расцарапала ему лицо.

– Все нормально. А ты что подумал?

– Ты – наш самый ценный кадр. И тебе нужна моя защита… – Он покровительственно протянул к ней руку.

Кэроу резко уклонилась, и Волк смиренно поднял ладони вверх.

– Я могу сама о себе позаботиться, – ответила Кэроу, безуспешно пытаясь вернуть вибрацию силы. «Я Мадригал», – сказала она себе, но рядом с Белым Волком вспоминалась не смелость, а боль Мадригал, то, что она была жертвой, – и ощущение силы испарилось. – Я не нуждаюсь в помощи, – неуверенно повторила она и скрестила руки на груди, будто обиженный ребенок. Ощутив нелепость жеста, она тут же опустила руки, коря себя за излишнюю суетливость.

– Я и не говорил, что ты беспомощная, – мягко настаивал Тьяго. – Пойми, Кэроу, если с тобой что-то случится, нам конец. Я хочу, чтобы ты была в безопасности. Вот и все.

В безопасности? От кого? От своих же соплеменников, которым она посвятила все силы, внимание и здоровье? Кэроу мрачно усмехнулась.

– Дай им время, – пообещал Тьяго. – Они привыкнут, станут тебе доверять…

– А ты сам мне доверяешь?

– Конечно, Кэроу, – грустно кивнул он. – Я думал, все это осталось в прошлом. У нас нет времени на мелкие обиды: дело не ждет.

Казнь поводом для мелкой обиды не назовешь, но Кэроу не стала возражать, понимая, что Тьяго прав – им нужны все силы для дела. Кэроу устыдилась: Волку пришлось ей об этом напоминать, как капризной школьнице. Внутри было пусто и неуютно, упоение схваткой исчезло. Разумеется, Кэроу бесило, что Тьяго отправляет ее наверх словно провинившуюся, однако она сама хотела покоя, уединения, безопасности. Она вложила клинки в ножны и, показывая, что делает это исключительно по собственной воле, повернулась и отправилась к себе, гордо подняв голову – впрочем, вряд ли это кого-то обмануло.

25
Врагам занимать очередь здесь

По пути в комнату Шеста, решив, что Кэроу стала покладистее, беспрерывно сыпала советами и замечаниями по поводу недавних воскрешенных. Кэроу хранила упрямое молчание, а на лестничной площадке волчицу ждал сюрприз: у нее перед носом захлопнулась дверь, с грохотом задвинулся засов.

Через секунду начался стук.

– Кэроу! Я должна тебе помогать. Впусти меня!

– Засов, я тебя обожаю, – прошептала Кэроу и с любовью похлопала по тяжелому брусу.

Шеста кричала, бранилась, угрожала. Продолжая ее игнорировать, Кэроу отстегнула пояс с ножами. На столе лежало наполовину готовое ожерелье, но ей не хотелось над ним работать. Не хотелось и помощников, тем более нянек. Она представила, как возьмет в руки карандаш и альбомный лист и нарисует Резака, вскочившего на стол, поломанную столешницу, мельтешение химер, не пожелавших прийти на выручку… Рисование всегда помогало Кэроу пережить произошедшее. Как только она переносила события на бумагу, они становились ее собственностью, и она уже сама решала, какую власть давать им над собой.

Альбом раскрылся на остатках вырванной страницы. Кэроу вспомнила портрет Акивы, спящего у нее дома… Она уничтожила рисунок. Она их все уничтожила.

Если бы то же самое можно было сделать с воспоминаниями!

«Любовница ангела».

При мысли об этом обвинении Кэроу охватил стыд. Как она могла? Как можно было любить Акиву? Воображать, что влюблена? Их чувство облили грязью, на любовь это больше не похоже. Может быть, влечение? Может быть… молодость, дух противоречия, саморазрушение, извращение какое-нибудь? Она почти не знала Акиву. С чего ей взбрело в голову, что это любовь? Дано ли ей это искупить?

Скольких собратьев придется воскресить, прежде чем ее сочтут своей?

Всех, кто погиб из-за нее, всех до последнего. Сотни тысяч. Больше.

Увы, души погибших исчезли, они утрачены навсегда, как и души тех, кто был ей дорог. Значит, искупление невозможно.

Ее жизнь превратилась в невыносимый кошмар. Изредка Кэроу утешалась мыслью, что ей когда-нибудь предстоит умереть. Может, это и вправду дурной сон? Она проснется, а Бримстоун жив, все целы и невредимы. А если нет? Что ж, рано или поздно все закончится.

Ей удалось до ужаса правдоподобно передать оскал Резака.

Вспомнилась Зузана…

«Зузана, ты и правда хочешь знать, чем я занята? Вот чем: мертвые монстры держат меня в замке из песка, и я должна поочередно воскрешать их всех, стараясь, чтобы меня не съели».

Фраза прозвучала как анонс очередного безумного телешоу, и Кэроу снова рассмеялась. За дверью глухо зарычала Шеста. Отлично, теперь волчица решила, что Кэроу смеется над ней! Подпись к рисунку появилась сама собой: «*Врагам занимать очередь здесь».*

Эх, Зуз.

Кэроу посмотрела на подносы, полные зубов – их оставалось слишком много. В свою вылазку по музеям она перестаралась, из крепости теперь долго не выйти. С другой стороны, чем быстрее пойдет работа, тем быстрее Кэроу вырвется на свободу, навестит Зузану. Вместе с Миком они завалятся в «Ядовитую кухню», наедятся до отвала, напьются чаю. Кэроу расскажет им о своих невзгодах, утешится их справедливым гневом и негодованием.

Они согласятся с Кэроу, что неблагодарные хетские жрецы не заслуживают львиных голов, это слишком по-царски, в следующий раз надо будет сделать ему хомячью или вообще пекинесью морду.

Или еще лучше, Кэроу представила, каким тоном Зузана обычно всех посылает.

«К черту их всех!»

Вот именно!

А Кэроу ей ответит много раз отрепетированным заявлением: «Я делаю это не ради них, а ради Бримстоуна и всех тех химер, которых еще не уничтожили ангелы».

Стоило вспомнить Лораменди, и чувство долга просыпалось с удвоенным отчаянием: задача Кэроу – воскресить погибших.

Снаружи донесся короткий пронзительный свист – сигнал часового о возвращении первого из пяти патрулей. Кэроу подскочила, высунулась в окно и вгляделась в небо над горной грядой, где находился портал. Разглядеть силуэты не удавалось: слишком далеко, неизвестно, что это за отряд. Если прищуриться, видно было, что летели шестеро. Хорошая новость – отряд вернулся без потерь.

Ближе, ближе, и вот он: высокий и стройный, рога, как две сабли. Зири. В груди исчез какой-то комок, о котором Кэроу и не подозревала. С Зири все хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.